

...РИЧЕСКАЯ БИ...

Выпускъ 26-й.

Процессъ 20-ти и 17-ти.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40,
1907.

Выпускъ 80.
Политич., историч. и попул.-научная „БИБЛИОТЕКА для САМОРАЗВИТ...

Процессъ 20-ти и 17-ти.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул. д. № 40.
1907.

Дѣло 20-ти.

Обвинительный актъ, *)

коимъ предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, дворяне: Александръ Дмитріевъ Михайловъ, 25-ти лѣтъ, Николай Николаевъ Колодкевичъ, 31-го года, Михаилъ Николаевъ Тригони, 30-ти лѣтъ, Александръ Ивановъ Баранниковъ, 23-хъ лѣтъ, отставной флота лейтенантъ Николай Евгеньевъ Сухановъ, 29-ти лѣтъ, отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, 27-ми лѣтъ, отставной коллежскій регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, 34-хъ лѣтъ, сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, 33-хъ лѣтъ,

*) Дѣло 20-ти народовольцевъ было разобрано особымъ присутствіемъ правительствующаго сената 9—15-го февраля 1882 года подъ предсѣдательствомъ сенатора Дрейера.

Для нашего отчета главнымъ образомъ мы пользовались текстомъ № 11 извѣстной „Русской Исторической Библіотеки" В. Я. Богучарскаго (Ростовъ-на-Дону, 1906 г.).

Какъ въ изложеніи этого процесса, такъ и слѣдовавшаго затѣмъ „дѣла 17-ти", мы старались избѣгать повтореній, неизбѣжныхъ уже потому, что члены партіи „Народной Воли" судились въ разные годы, но часто за одни и тѣ же террористическіе акты, и, слѣдовательно, обвинительная камера въ каждомъ отдѣльномъ процессѣ должна была опять подробно разсказывать факты, уже извѣстные тому, кто отчеты о народовольческихъ процессахъ читаетъ въ ихъ исторической послѣдовательности.

сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, 24-хъ лѣтъ, сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, 20-ти лѣтъ, сынъ діакона Петръ Васильевъ Тычининъ, 26-ти лѣтъ, купеческій сынъ Григорій Михайловъ Фриденсонъ, 26-ти лѣтъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, 21-го года, мѣщане: Левъ Соломоновъ Златопольскій, 33-хъ лѣтъ, Айзикъ Борисовъ Арончикъ, 22-хъ лѣтъ, Макаръ Васильевъ Тетерка, 28-ми лѣтъ, Николай Александровъ Морозовъ, 26-ти лѣтъ, прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ Лангансъ, 29-ти лѣтъ, дворянка Елизавета Николаева Оловенникова, 23-хъ лѣтъ, дочь титулярнаго совѣтника Людмила Дементьева Терентьева, 20-ти лѣтъ, дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, 29-ти лѣтъ, и дочь священника Анна Васильева Якимова, 26-ти лѣтъ, обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ.

Въ концѣ ноября 1880 г. въ С.-Петербургѣ возникло дознаніе о лицахъ, принадлежащихъ къ такъ называемой террористической фракціи тайнаго сообщества, именующаго себя „русской соціально-революціонной партіей“. Дознаніе это, оконченное въ октябрѣ 1881 года, обнаружило главнѣйшихъ преступныхъ дѣятелей означенной фракціи, не вошедшихъ въ число ея участниковъ, осужденныхъ въ октябрѣ 1880 года с.-петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ о 16-ти лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и въ мартѣ 1881 г. по дѣлу о злодѣяніи 1-го марта, жертвою котораго палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. При этомъ разслѣдованіемъ была выяснена виновность привлеченныхъ къ дознанію двадцати двухъ вышепоименованныхъ лицъ въ совершеніи, для достиженія цѣлей названнаго преступнаго сообщества, ряда посягательствъ на жизнь Священной Особы почившаго Монарха и дру-

гихъ преступленій революціоннаго характера, уже бывшихъ предметомъ судебнаго разсмотрѣнія по вышеупомянутымъ дѣламъ, а также и нѣкоторыхъ вновь раскрытыхъ преступныхъ дѣяній того же значенія.

Обстоятельства преступленій, совершенныхъ обвиняемыми, и данныя, служащія къ ихъ изобличенію, распредѣляются, по своему содержанію, въ нижеслѣдующихъ отдѣлахъ настоящаго обвинительнаго акта.

I.

Убійство шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцова, 4-го августа 1878 года.

4-го августа 1878 года, въ 9 часовъ 10 минутъ утра, бывшій шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ, возвращаясь съ утренней прогулки, въ сопровожденіи подполковника Макарова, на Михайловской площади, близъ дома Кочкурова, былъ встрѣченъ неизвѣстнымъ, который нанесъ ему кинжаломъ рану въ полость живота. Истекая кровью, генералъ Мезенцовъ былъ привезенъ домой и въ 5 часовъ 10 минутъ пополудни скончался. Нанесенная ему рана оказалась безусловно смертельною, проникавшею чрезъ печень и заднюю стѣнку желудка.

При преслѣдованіи подполковникомъ Макаровымъ убійцы, быстро скрывшагося за угломъ площади и убѣгавшаго по Большой Итальянской улицѣ, другой неизвѣстный выстрѣлилъ въ подполковника Макарова изъ револьвера и хотя промахнулся, но, вслѣдствіе происшедшаго отъ выстрѣла замѣшательства, оба злоумышленника успѣли вскочить въ дожидавшуюся ихъ у кондитерской Кочкурова пролетку на лежачихъ рессорахъ, запряженную воро-

ною лошадью, и скрылись по направленію къ Большой Садовой улицѣ, причемъ свидѣтель Платонъ Матвѣевъ, догоняя уѣзжавшихъ, прослѣдилъ ихъ до памятника Императрицы Екатерины II, а отставной унтеръ-офицеръ Сергѣй Самойловъ видѣлъ, какъ неизвѣстные повернули за Александровскій театръ.

Скрывшіеся, такимъ образомъ, отъ преслѣдованія упомянутыхъ свидѣтелей убійцы генерала Мезенцова не остались, однако, необнаруженными.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, въ Новомъ переулкѣ, въ русскомъ татерсалѣ, были разысканы вороная лошадь „Варваръ“, дрожки на лежачихъ рессорахъ и кучерское платье, а затѣмъ задержанъ и кучеръ этой лошади, Андріанъ Михайловъ, проживавшій подъ не принадлежащею ему фамиліею Тугаринова. При этомъ было установлено, что „Варваръ“ и дрожки, значившіяся въ татерсалѣ принадлежащими дворянину Тюрикову, имѣютъ полное сходство съ лошадью и экипажемъ, стоявшимъ 4-го августа у кондитерской Кочкурова, а Михайловъ признанъ за выдававшаго себя кучеромъ Тюрикова, единственнымъ лицомъ, выѣзжавшимъ послѣ 14-го іюля на означенной лошади и имѣющимъ сходство съ кучеромъ, увозившимъ неизвѣстныхъ послѣ совершеннаго ими убійства генералъ-адъютанта Мезенцова.

По показанію баварскаго подданнаго Краха, „Варваръ“ былъ помѣщенъ въ татерсалѣ 29-го января 1878 года самимъ Тюриковымъ, при участіи кучера, признаваемаго имъ въ задержанномъ Михайловѣ, и оставался до 7-го мая, а затѣмъ былъ взятъ Тюриковымъ и вновь приведенъ его кучеромъ, т. е. тѣмъ же Михайловымъ, 14-го іюля, уже съ дрожками. Такимъ образомъ, время первоначальнаго помѣщенія „Варвара“ въ татерсаль относится къ періоду проживательства Тюрикова и называвшагося его кучеромъ, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Андріана Михайлова, въ но-

мерахъ Штуцеръ и притомъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, по подложнымъ документамъ. Рядомъ произведенныхъ слѣдственныхъ дѣйствій выяснено, что лицо, именовавшееся дворяниномъ Тюриковымъ, въ январѣ 1878 г. поселилось въ меблированныхъ комнатахъ Штуцеръ, на углу Малой Подъяческой и Екатерининскаго канала, предупредивъ хозяйку, что ждетъ товарища, съ которымъ и будетъ жить вмѣстѣ. Спустя нѣсколько времени къ Тюрикову дѣйствительно прибылъ неизвѣстный человѣкъ и далъ для прописки паспортъ на имя дворянина Поплавскаго. На другой день вновь прибывшій унесъ неизвѣстно куда полушубокъ, въ которомъ пріѣхалъ, и сталъ ходить въ пальто, а черезъ мѣсяцъ, въ февралѣ, Тюриковъ и Поплавскій оставили квартиру, причемъ первый объяснилъ, что получилъ мѣсто въ Новгородѣ, куда полагаетъ пристроить и Поплавскаго. Документы Тюрикова и Поплавскаго оказались подложными, а по предъявленіи назвавшагося при задержаніи Тугариновымъ, Адріана Михайлова, содержательницѣ означенныхъ меблированныхъ комнатъ Штуцеръ и ея служанкѣ Тимофеевой онѣ признали его за проживавшаго у нихъ въ одной комнатѣ съ Тюриковымъ подъ именемъ Поплавскаго.

Впослѣдствіи на лицо, тождественное съ Тюриковымъ, были сдѣланы указанія умершимъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, изъ объясненій котораго видно, что въ іюнѣ 1878 года, на Липецкомъ съѣздѣ, онъ встрѣтился съ Ипполитомъ Кошурниковымъ, настоящая фамилія котораго ему не была извѣстна, и изъ разговоровъ съ нимъ пришелъ къ заключенію объ участіи его въ убійствѣ Мезенцова. Обвиняемый Александръ Баранниковъ призналъ себя виновнымъ въ участіи, вмѣстѣ съ двумя другими лицами, въ убійствѣ генерала Мезенцова.

II.

Покушеніе на цареубійство въ С.-Петербургѣ, 2-го апрѣля 1879 года.

При производствѣ слѣдствія о покушеніи 2-го апрѣля 1879 года на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора непосредственный виновникъ этого преступленія, казненный нынѣ государственный преступникъ Соловьевъ, между прочимъ, объяснилъ, что о замыслѣ своемъ онъ, Соловьевъ, никому не сообщалъ и сообщниковъ не имѣлъ. Но, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи преступной дѣятельности „соціально-революціонной партіи“ въ 1879 и 1880 годахъ, это объясненіе было опровергнуто задержаніемъ нѣсколькихъ лицъ, участвовавшихъ въ сношеніяхъ и совѣщаніяхъ съ Соловьевымъ по предмету преступнаго покушенія.

Обнаруженныя, такимъ образомъ, данныя указали, какъ на соучастниковъ Соловьева, еще на пять лицъ, изъ которыхъ государственные преступники Зунделевичъ, Квятковскій и Кобылянскій уже осуждены, Григорій Гольденбергъ умеръ, а Александръ Михайловъ до конца 1880 года оставался неразъисканнымъ.

Задержанный 28-го ноября 1880 года обвиняемый Александръ Михайловъ, заявляя о своей принадлежности къ тайному сообществу, поставившему себѣ ближайшею задачею насильственное ниспроверженіе правительства путемъ посягательства на жизнь Государя Императора, призналъ, между прочимъ, и свое участіе въ преступномъ покушеніи 2-го апрѣля, выразившееся въ совѣщаніяхъ объ этомъ покушеніи съ другими лицами, какъ съ теоретической точки зрѣнія, такъ и со стороны практической, т. е. по поводу выбора лица, времени и мѣста приведенія обдуманнаго замысла въ исполненіе,

Всѣ приведенныя обстоятельства, обнаруженныя дознаніемъ, находятъ себѣ полное подтвержденіе въ разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ по этому поводу вышеупомянутымъ умершимъ обвиняемымъ Григоріемъ Гольденбергомъ.

III.

Кража изъ херсонскаго губернскаго казначейства.

3-го іюня 1879 года изъ херсонскаго губернскаго казначейства, чрезъ взломъ запоровъ у сундуковъ, стоявшихъ въ денежной кладовой, была совершена кража 1.579,688 руб. 75 коп., принадлежавшихъ государственному банку, а также пачки бланковъ паспортовъ и патентовъ. По осмотру мѣстности оказалось, что для означенной кражи былъ произведенъ подкопъ изъ сосѣдняго съ казначействомъ дома Камсина, начинавшійся отверстіемъ въ полу одной изъ комнатъ этого дома, а затѣмъ проходившій подъ землею подъ фундаментъ казначейства и кончавшійся пробоиною, въ аршинъ діаметромъ, въ полу денежной кладовой. Въ двухъ комнатахъ дома Камсина и на чердакѣ оказалось около 25 возовъ свѣжей глины, вынутой изъ упомянутой подземной галлереи, имѣвшей въ длину 9 саженъ, а въ ширину и въ высоту по 1-му аршину. Въ галлереѣ были найдены 1.000 р. кредитными билетами, разсыпанная мѣдная монета, желѣзный ломъ, буравъ, двѣ кирки, желѣзная лопата, жестяной ящикъ съ двумя веревками, ножъ и кусокъ свѣчи. Въ самой кладовой казначейства, какъ орудія взлома замковъ, остались ломъ и сломанный напильникъ.

Произведеннымъ по поводу этой кражи слѣдствіемъ обнаружено, что квартиру въ домѣ Камсина,

изъ которой произведенъ подкопъ, наняла передъ кражей неизвѣстная женщина, назвавшаяся женою доктора Никитиною, и прислала въ эту квартиру, какъ бы для ея отдѣлки, неизвѣстнаго человѣка подъ видомъ штукатура. Дней за 10 до кражи Никитина сама переѣхала въ квартиру, а затѣмъ туда же прибыла женщина подъ именемъ Марья, исполнявшая обязанности кухарки. 29-го мая, черезъ два дня послѣ этого, въ квартиру пріѣхала еще молодая дѣвушка подъ именемъ „Сонька" и приняла на себя роль горничной.

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія были опредѣлены лица, проживавшія въ домѣ Камсина передъ кражею и скрывшіяся ко времени ея обнаруженія.

Называвшая себя женою доктора Никитиною и отказавшаяся объявить о своемъ званіи и имени оказалась дворянкою Еленою Россиковою; неизвѣстный, занимавшійся у нея штукатурными работами,—лишеннымъ за кражи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ Яковомъ Погорѣловымъ, а проживавшая у Россиковой подъ видомъ кухарки Марьи—одесскою мѣщанкою Татьяною Морозовою.

Поименованныя лица, въ числѣ другихъ, осуждены одесскимъ военно-окружнымъ судомъ 10-го января 1880 года.

2-го мая 1881 года задержанная въ С.-Петербургѣ подъ фамиліей Трифоновой, дочь титулярнаго совѣтника Людмила Терентьева, объясняя, что она занимается „революціонными дѣлами", а средства къ жизни получаетъ изъ фонда партіи, признала свое участіе въ кражѣ изъ херсонскаго казначейства, совершенной 3-го іюня 1879 г., и показала, что работала въ самомъ подкопѣ, а затѣмъ увезла изъ Херсона изъ числа украденныхъ изъ казначейства денегъ 10,000 рублей, каковыя и были употреблены „на борьбу за народное освобожденіе".

Впослѣдствіи Терентьева добавила, что въ квартирѣ Россиковой ее называли иногда „Соней", а иногда „Лидой".

IV.

Приготовленіе къ цареубійству близъ гор. Одессы осенью 1879 года.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ двадцатыхъ числахъ сентября 1879 года, когда онъ, Гольденбергъ, и Николай Колодкевичъ находились въ Харьковѣ и принимали участіе въ происходившихъ тамъ сходкахъ революціонеровъ и сочувствующихъ имъ лицъ, причемъ на этихъ сходкахъ обсуждался, при участіи Желябова, планъ цареубійства, въ Харьковъ пріѣхалъ Кошурниковъ (Баранниковъ), вмѣстѣ съ нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Прѣсняковымъ, и привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита. Тогда же было рѣшено предпринять приготовленія къ цареубійству, между прочимъ, въ Одессѣ, на линіи Одесской желѣзной дороги, при обратномъ слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Для этой цѣли Колодкевичъ отправился изъ Харькова въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко, который и долженъ былъ принять на себя приведеніе означеннаго замысла въ исполненіе. Съ тою же цѣлью, Гольденбергъ отдѣлилъ изъ динамита, привезеннаго Кошурниковымъ и Прѣсняковымъ, около полутора пудовъ и послалъ его въ Одессу съ Татьяною Лебедевою, которая должна была остаться тамъ и помогать Фроленко. Затѣмъ онъ, Гольденбергъ, принялъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда, производимыхъ близъ Москвы на линіи Московско-Курской желѣзной до-

роги изъ дома Сухорукова (Гартмана). Въ ноябрѣ собравшіеся здѣсь участники упомянутыхъ приготовленій, получивъ свѣдѣнія о томъ, что Государь Императоръ изволитъ на пути изъ Крыма прослѣдовать черезъ Москву, и въ то же время предположивъ, что вслѣдствіе дурной погоды поѣздка Его Императорскаго Величества въ Одессу моремъ не состоится, пришли къ рѣшенію о томъ, что начатыя въ Одессѣ приготовленія должны быть оставлены, а находящійся тамъ динамитъ перевезенъ въ Москву. За этимъ динамитомъ Гольденбергъ 9-го ноября отправился въ Одессу и дорогой, въ Елисаветградѣ, встрѣтилъ нынѣ казненнаго государственнаго преступника Николая Кибальчича, который, сказавъ ему, что онъ везетъ изъ Одессы проволоку въ Александровскъ къ Желябову, добавилъ, что въ Одессѣ уже, быть можетъ, успѣли заложить динамитъ подъ рельсы желѣзной дороги. Вслѣдствіе этого Гольденбергъ, по соглашенію съ Кибальчичемъ, послалъ въ Одессу Колодкевичу телеграмму съ подписью „Максимовъ", предупреждающую о прибытіи его, Гольденберга. Подъѣзжая къ Одессѣ, онъ видѣлъ Татьяну Лебедеву, стоявшую на линіи желѣзной дороги около одной изъ сторожевыхъ будокъ, изъ чего заключилъ, что сторожемъ въ этой будкѣ состоитъ Фроленко. Въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся съ этимъ послѣднимъ и съ Колодкевичемъ и, несмотря на видимое нежеланіе Фроленко оставлять начатыя въ Одессѣ приготовленія, истребовалъ отъ нихъ динамитъ для доставленія въ Москву. Кромѣ названныхъ лицъ, Гольденбергъ видѣлъ еще въ Одессѣ Златопольскаго и какого-то молодого человѣка по имени Василія, который вмѣстѣ съ Колодкевичемъ долженъ былъ перевезти динамитъ изъ будки Фроленко къ Гольденбергу. Этотъ послѣдній, получивъ динамитъ и взявъ его съ собою, 13-го ноября выѣхалъ изъ Одессы, а 14-го ноября въ Елисаветградѣ былъ арестованъ.

Обвиняемые Николай Колодкевичъ, Михаилъ Фроленко, Василій Меркуловъ и Татьяна Лебедева признали всѣ вышеприведенныя обстоятельства.

V.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Александровска, Екатеринославской губ., 18-го ноября 1879 года.

По показанію Григорія Гольденберга, на вышеупомянутыхъ революціонныхъ сходкахъ, происходившихъ въ гор. Харьковѣ въ сентябрѣ 1878 года, было, между прочимъ, рѣшено произвести взрывъ Императорскаго поѣзда на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи. Для совершенія этого преступленія были избраны государственные преступники, нынѣ казненные Желябовъ и Прѣсняковъ, осужденные Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій и обвиняемая Анна Якимова (она же Баска). Въ октябрѣ Желябовъ, подъ фамиліею ярославскаго купца Черемисова, вмѣстѣ съ Якимовою, которую онъ выдавалъ за свою жену, поселился въ гор. Александровскѣ, въ домѣ мѣщанъ Бовенко, причемъ появленіе свое въ этомъ городѣ объяснилъ намѣреніемъ устроить кожевенный заводъ на отведенномъ ему мѣстною думою участкѣ городской земли, а затѣмъ занялся приготовленіями къ производству взрыва.

По предъявленіи свидѣтелямъ обвиняемыхъ Якимовой и Макара Тетерки, они признали: въ первой—женщину, проживавшую у нихъ въ домѣ подъ именемъ жены Желябова-Черемисова, а въ послѣднемъ—человѣка, который въ то же самое время проживалъ у Черемисовыхъ подъ именемъ „Дмитрича“.

Обвиняемый Макаръ Тетерка показалъ, что въ 1879 году, въ гор. Кіевѣ, онъ познакомился съ Желябовымъ, который послѣ того, какъ лицо, доставлявшее ему, Тетеркѣ, столярную работу, было арестовано по обвиненію въ государственномъ преступленіи, сказалъ обвиняемому, что и его могутъ арестовать, и, снабдивъ его паспортомъ, убѣдилъ не проживать подъ своею настоящею фамиліею. Осенью 1879 года Тетерка, по приглашенію Желябова, отправился въ гор. Александровскъ, гдѣ и прожилъ у Желябова около мѣсяца, исполняя по его приказанію разныя столярныя и хозяйственныя работы.

Обвиняемая Анна Якимова созналась въ вышеуказанномъ участіи своемъ при покушеніи на цареубійство 18-го ноября 1879 года.

Обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года онъ работалъ въ подкопѣ изъ дома Сухорукова въ Москвѣ, откуда ѣздилъ на одинъ день съ проволокою для мины къ Желябову въ гор. Александровскъ, гдѣ при немъ были заложены подъ полотно желѣзной дороги проволоки и одинъ изъ цилиндровъ съ динамитомъ, причемъ онъ, Исаевъ, принималъ участіе въ работахъ.

VI.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Москвы 19-го ноября 1879 года.

19-го ноября 1879 года, въ 11-мъ часу вечера, на 3-й верстѣ отъ Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою свитою былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе означеннаго поѣзда, въ которомъ

злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора. При взрывѣ никто изъ лицъ, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ или постороннихъ, не пострадалъ.

По осмотру мѣста взрыва оказалось, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго близъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшеюся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ.

Изслѣдованіемъ выяснено, что изъ числа виновниковъ этого преступленія фамиліею Сухорукова назывался Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывшійся за границу, а съ нимъ, подъ именемъ его жены, проживала нынѣ казненная государственная преступница Софья Перовская.

Обвиняемые Александръ Михайловъ и Александръ Баранниковъ признали участіе свое въ устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу.

Обвиняемый Григорій Исаевъ, также сознаваясь въ участіи при устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова, объяснилъ, что въ работахъ по этому подкопу онъ, въ качествѣ техника, долженъ былъ замѣнять собою, въ случаѣ надобности, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Степана Ширяева. По словамъ Исаева, въ означенныхъ работахъ принималъ участіе и Николай Морозовъ, но лишь въ теченіе одного дня; Арончикъ же вовсе не работалъ въ подкопѣ, а вмѣстѣ съ Чернявской содержалъ конспиративную квартиру.

Обвиняемый Николай Морозовъ, признавая себя „террористомъ", показалъ, что не считаетъ возможнымъ дать какія-либо объясненія по поводу обвиненія его въ участіи при покушеніи на цареубійство 19-го ноября 1879 г., какъ и вообще по существу всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвине-

нiй, такъ какъ его объясненiя могли бы повредить его друзьямъ и знакомымъ.

Обвиняемый Айзикъ Арончикъ, отрицая, какъ принадлежность свою къ революцiонной партiи, такъ и свое участiе въ покушенiи 19-го ноября 1879 г., показалъ, что онъ въ это время въ Москвѣ вовсе не былъ.

VII.

Покушенiе на цареубiйство въ Зимнемъ дворцѣ 5-го февраля 1880 года.

го февраля 1880 г., въ седьмомъ часу вечера, когда въ Зимнемъ дворцѣ, по случаю ожидавшагося прибытiя въ С.-Петербургъ Его Высочества принца Александра Гессенскаго, въ покояхъ, расположенныхъ надъ помѣщенiемъ главнаго караула, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда Членовъ Императорскаго Дома, а Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившiй Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, изволилъ выйти навстрѣчу высокому гостю въ малый фельдмаршальскiй залъ, изъ подвальнаго этажа произошелъ взрывъ, разрушившiй помѣщенiе главнаго караула и смежныя съ нимъ части зданiя, а также нѣсколько повредившiй полъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ предполагался обѣденный столъ. При означенномъ взрывѣ изъ числа нижнихъ чиновъ л.-гв. Финляндскаго полка, находившихся въ составѣ главнаго караула, было убито на мѣстѣ десять человѣкъ. Кромѣ того, 33 человѣка тѣхъ же чиновъ и нѣкоторыя лица изъ дворцовой прислуги получили болѣе или менѣе тяжкiя поврежденiя.

По изслѣдованiи описаннаго событiя выяснилось, что обвиненiе въ производствѣ взрыва падаетъ на крестьянина Вятской губернiи, Орловскаго

уѣзда, Степана Халтурина и нынѣ казненнаго государственнаго преступника Александра Квятковскаго.

Привлеченный къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго Григорій Исаевъ показалъ: что онъ приготовлялъ динамитъ и запалы, употребленные при взрывѣ 5-го февраля 1880 года въ Зимнемъ дворцѣ.

VIII.

Приготовленіе къ цареубійству въ гор. Одессѣ весною 1880 года.

Изъ показаній обвиняемаго Василія Меркулова, между прочимъ, видно, что въ гор. Одессѣ, весною 1880 года, готовилось посягательство на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, посредствомъ мины, которую предполагалось подвести подъ Итальянскую улицу на пути слѣдованія Его Императорскаго Величества отъ вокзала желѣзной дороги къ пароходной пристани.

Обстоятельства означеннаго преступленія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ началѣ 1880 года, въ гор. Одессѣ, Меркуловъ, при посредствѣ не разысканной до настоящаго времени Вѣры Филипповой, урожденной Фигнеръ, сошелся съ казненной государственной преступницей Софьей Перовской и съ обвиняемымъ по настоящему дѣлу Львомъ Златопольскимъ, а затѣмъ познакомился съ Григоріемъ Исаевымъ, извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ „Григорія“, съ проживавшей съ нимъ, подъ видомъ жены, Анной Акимовой и съ лишившимъ себя жизни 3-го марта 1881 года въ „конспиративной“ квартирѣ, по Тележной улицѣ, Николаемъ Саблинымъ. Весною

того же года Перовская и Саблинъ, подъ именемъ уманьскихъ мѣщанъ Петра и Марьи Прохоровскихъ, наняли въ домѣ № 47, по Итальянской улицѣ, лавку, въ которой и открыли торговлю бакалейнымъ товаромъ. Изъ этой лавки, при участіи посѣщавшихъ Саблина и Перовскую: Меркулова, Исаева, Златопольскаго, Якимовой и Филипповой, предположено было провести подкопъ подъ полотно Итальянской улицы, съ каковою цѣлью въ своемъ помѣщеніи, гдѣ производилась торговля, въ лѣвомъ углу, за прилавкомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ветхія половицы, зачиненныя новыми досками, могли быть подняты безъ поврежденія пола, была выкопана яма, изъ которой участники преступленія намѣревались, съ помощью бурава, просверлить самый каналъ для мины. На этомъ, однако, и остановилось осуществленіе злодѣйскаго умысла, такъ какъ полученное извѣстіе о прибытіи Государя Императора въ Одессу черезъ три дня заставило злоумышленниковъ прекратить работы, которыя не могли быть доведены до конца въ столь короткое время. Вслѣдствіе этого вырытый уже вертикальный колодезь былъ засыпанъ, и затѣмъ, 24-го мая, Прохоровскіе оставили нанятое ими помѣщеніе, отмѣтившись выбывшими въ гор. Полтаву.

IX.

Приготовленіе къ цареубійству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 года.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій обвиняемаго Василія Меркулова получены были нижеслѣдующія свѣдѣнія о приготовлявшемся въ г. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года, посягательствѣ на жизнь нынѣ почившаго Государя Императора.

Катаясь однажды, въ началѣ лѣта, на лодкѣ

вмѣстѣ съ Желябовымъ, Прѣсняковымъ, Грачевскимъ, [Баранниковымъ (извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ „Порфирія"), Александромъ Михайловымъ, именовавшимся тогда „Иваномъ Петровымъ", и Тетеркой, Меркуловъ слышалъ происходившій между этими лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора, причемъ „Порфирій" (Баранниковъ) предлагалъ одновременно со взрывомъ моста примѣнить и метательный снарядъ. Изъ содержанія разговора Меркуловъ заключилъ, что совершеніе этого преступленія было уже раньше рѣшено между соучастниками. Черезъ нѣкоторое время послѣ упомянутой прогулки, по отбытіи уже Государя Императора въ Ливадію, Меркуловъ, отправившись на свиданіе съ Желябовымъ на каналъ близъ Михайловскаго сада, встрѣтилъ тамъ Александра Михайлова и нѣкоего „Мартына", оказавшагося впослѣдствіи Лангансомъ, слѣдившихъ за появленіемъ полиціи. Желябовъ прибылъ скоро на мѣсто свиданія въ лодкѣ, вмѣстѣ съ Тетеркой и Баранниковымъ, причемъ послѣдній отдалъ Меркулову на сохраненіе два желѣзныхъ пятилапныхъ якорька-кошки, а Тетерка объяснилъ ему, что они ѣздили извлекать динамитъ изъ-подъ какого-то моста по Гороховой улицѣ, но не могли его достать, такъ какъ кошки не захватывали достаточно глубоко. Упомянутыя кошки Меркуловъ оставилъ впослѣдствіи своему квартирному хозяину, въ домѣ № 15—2 по Забалканскому проспекту, Никифору Дмитріеву.

Обвиняемый Макаръ Тетерка, подтверждая въ общихъ чертахъ заявленіе Меркулова о готовившемся лѣтомъ 1880 г. посягательствѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, посредствомъ взрыва одного изъ мостовъ, лежавшихъ на пути обычнаго слѣдованія Его Императорскаго Ве-

личества—отъ вокзала Царскосельской желѣзной дороги къ Зимнему дворцу, объяснилъ, что покушеніе это было рѣшено на сходкѣ, собравшейся въ какомъ-то трактирѣ, въ которой принимали участіе кромѣ него самого: Желябовъ, Прѣсняковъ, Меркуловъ, Баранниковъ и, кажется, еще двое неизвѣстныхъ ему лицъ. Черезъ нѣсколько дней Тетерка, по указанію Желябова, пріѣхалъ въ квартиру, помѣщавшуюся въ одной изъ улицъ близъ Троицкаго переулка, и тамъ, спросивъ „подушку", получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка корзину, въ которой лежала завернутая въ рогожу гуттаперчевая подушка, вѣсомъ около двухъ пудовъ, которую онъ, Тетерка, и привезъ въ Петровскій паркъ, гдѣ его уже ожидали Желябовъ и Прѣсняковъ. Усѣвшись втроемъ въ лодку, гдѣ уже находились такая же подушка и проволоки, соучастники выѣхали сначала на взморье и тамъ связали обѣ подушки веревками, а затѣмъ Фонтанкой и Крюковымъ каналомъ проѣхали въ Екатерининскій, гдѣ, подъ Каменнымъ мостомъ, погрузили подушки въ воду, прикрѣпивъ конецъ веревки и проволоки проводниковъ къ находившемуся близъ моста, выше по теченію, плоту, на которомъ устроена прачешная. По состоявшемуся между участниками преступленія соглашенію, взрывъ долженъ былъ произвести Желябовъ, при содѣйствіи Тетерки, во время поѣзда Государя Императора черезъ мостъ. Въ назначенный день и часъ Тетерка, имѣя при себѣ корзину съ картофелемъ, долженъ былъ сойтись съ Желябовымъ у Чернышева моста и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на плотъ, къ которому были прикрѣплены проводники, гдѣ, подъ видомъ промывки картофеля, соединить проводники съ батареей, которую взялся принести Желябовъ. Въ назначенное, однако, время Тетерка, по неимѣнію часовъ, не явился своевременно на мѣсто свиданія, а въ тотъ же самый день въ Бозѣ почившій Государь Императоръ про-

слѣдовалъ черезъ С.-Петербургъ на южный берегъ Крыма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, ночью, тѣ же лица поѣхали поднимать подушки съ динамитомъ со дна канала, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ имѣвшіяся у нихъ кошки не захватывали своими лапками подушекъ.

По тщательномъ изслѣдованіи дна Екатерининскаго канала, подъ Каменнымъ мостомъ и близъ него, 4-го мая и 6-го іюня 1881 года были обнаружены 4 гуттаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ 7 пудовъ. Первыя двѣ подушки, лежавшія рядомъ, саженяхъ въ 10 отъ моста, ниже по теченію, не имѣли при себѣ ни запальныхъ зарядовъ, ни проводниковъ; вторыя же, найденныя впослѣдствіи нѣсколько далѣе первыхъ, были спутаны проволоками и содержали въ себѣ запальные стаканы съ пропущенными въ нихъ проводниками, заряженные крошенымъ пироксилиномъ, смоченнымъ нитроглицериномъ.

Указаніе обвиняемаго Тетерки на неизвѣстное лицо, передавшее ему подушку съ динамитомъ, повлекло за собой привлеченіе къ настоящему дѣлу Григорія Исаева, который, признавая свое участіе въ вышеизложенномъ преступномъ замыслѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, объяснилъ, что заключавшіеся въ подушкахъ динамитъ и запальные заряды приготовлены имъ съ цѣлью покушенія на цареубійство, причемъ онъ принималъ и непосредственное участіе въ самомъ заложеніи мины подъ мостомъ.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что лѣтомъ 1880 года, съ цѣлью произвести взрывъ при проѣздѣ Его Императорскаго Величества, принималъ участіе въ заложеніи динамита подъ мостомъ на Гороховой улицѣ, а затѣмъ, по отъѣздѣ Государя Императора въ Ливадію, пытался, вмѣстѣ съ другими лицами, вытащить заложенный динамитъ, но безуспѣшно.

X.

Покушеніе на кражу изъ кишиневскаго губернскаго казначейства.

Въ декабрѣ 1880 года въ городѣ Кишиневѣ, по Варфоломеевскому переулку, во дворѣ „Швейцарской гостиницы,“ во флигелѣ, рядомъ съ губернскимъ казначействомъ, поселились неизвѣстные мужчина и женщина, подъ именемъ супруговъ Мироненко.

Вскорѣ по пріѣздѣ они своею крайне уединенною жизнью обратили на себя вниманіе полиціи, а послѣ того, какъ паспорты ихъ были подробно осмотрѣны, они немедленно, въ январѣ 1881 года, выѣхали изъ Кишинева, несмотря на то, что квартира была нанята ими на годъ.

Впослѣдствіи обнаружилось, что въ одной изъ комнатъ квартиры Мироненко былъ прорѣзалъ полъ и въ образовавшемся отверстіи, въ 1½ аршина длиною и ¾ аршина шириною, начатъ подкопъ подъ казначейство, засыпанный ко времени его обнаруженія рыхлою землею, а самое отверстіе въ полу заложено отрѣзками половыхъ досокъ, причемъ образовавшіяся при этой работѣ щели оказались замазанными и закрашенными.

Задержанный въ С.-Петербургѣ, 27 февраля 1881 года, обвиняемый Василій Меркуловъ, признавая себя принадлежащимъ къ „соціально-революціонной партіи“, между прочимъ, показалъ, что въ декабрѣ 1880 года, получивъ отъ обвиняемаго Колодкевича деньги, онъ, по порученію казненнаго преступника Желябова, отправился вмѣстѣ съ обвиняемыми—Фроленко, Фриденсономъ и Лебедевою въ Кишиневъ для совершенія кражи изъ мѣстнаго казначейства и принималъ участіе въ подкопѣ, веденномъ изъ квартиры Фроленко и Лебедевой, проживавшихъ подъ именемъ супруговъ Мироненко, а

затѣмъ ѣздилъ по порученію Фроленко въ Одессу, гдѣ черезъ рабочаго Попова вошелъ въ сношеніе съ обвиняемымъ Тригони и просилъ его приготовить въ Одессѣ квартиру, въ которой можно было бы скрыться въ случаѣ удачной кражи изъ казначейства. По объясненію Меркулова, Фриденсонъ оставался въ Кишиневѣ недолго и оттуда уѣхалъ, по порученію Фроленко, для того, чтобы найти другое казначейство, изъ котораго можно было бы удобнѣе совершить кражу.

XI.

Злодѣяніе 1-го марта 1881 года.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ 3-мъ часу пополудни, въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Приговоромъ особаго присутствія правительствующаго сената за злодѣяніе это осуждены и понесли наказаніе—Андрей Желябовъ, Софья Перовская, Николай Рысаковъ, Николай Кибальчичъ, Тимофей Михайловъ и Геся Гельфманъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаружились указанія на виновность еще другихъ, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, изъ числа которыхъ 13 привлечено къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, а именно: Григорій Исаевъ, Николай Колодкевичъ, Александръ Баранниковъ, Михаилъ Фроленко, Михаилъ Тригони, Николай Сухановъ, Иванъ Емельяновъ, Василій Меркуловъ, Петръ Тычининъ, Мартынъ Лангасъ, Анна Якимова, Татьяна Лебедева и Елизавета Оловенникова.

Первоначальными поводами къ обвиненію названныхъ лицъ въ участіи въ злодѣяніи 1-го марта

послужили подробныя показанія нынѣ казненнаго государственнаго преступника, Николая Рысакова, и обвиняемаго Василія Меркулова, имѣющія значеніе полнаго сознанія по отношенію къ нимъ самимъ и согласнаго съ обстоятельствами для оговора другихъ обвиняемыхъ.

Обвиняемый Меркуловъ, сознаваясь въ участіи при приготовленіяхъ къ злодѣянію 1 марта, показалъ, что въ 20 числахъ января 1881 года, по возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ изъ Кишинева, послѣ неудавшагося тамъ покушенія на кражу изъ мѣстнаго казначейства, онъ узналъ отъ Исаева, что ему, Меркулову, нужно поступить въ сырную лавку Кобозева на М. Садовой „за молодца". Исполнивъ это требованіе Исаева, обвиняемый, однако же, прослужилъ у Кобозева не болѣе 3 дней, такъ какъ по росту оказался негоднымъ въ „молодцы", да къ тому же не умѣлъ рѣзать сыръ. Продолжая и послѣ того посѣщать лавку Кобозева, отъ котораго ему случалось получать деньги и сыръ, онъ, Меркуловъ, видѣлъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ эту лавку. Женою Кобозева была Якимова; къ нимъ приходили—Желябовъ, Кибальчичъ, Саблинъ, „Котикъ" или „Михаилъ Ивановичъ", Тригони, котораго онъ, Меркуловъ, зналъ подъ именемъ „Михаила Николаевича", Лангансъ, подъ именемъ „Мартына" или „нѣмца", недавно передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ-за границы, Фроленко—подъ именемъ Александрова и, наконецъ, флотскій лейтенантъ, оказавшійся впослѣдствіи Сухановымъ. Изъ поименованныхъ лицъ, какъ извѣстно обвиняемому, Тригони, Лангансъ, Сухановъ и Фроленко работали въ подкопѣ, проведенномъ изъ лавки подъ улицу М. Садовую. Обвиняемый полагаетъ, что, кромѣ этихъ лицъ, въ томъ же подкопѣ работалъ и Баранниковъ, подъ именемъ „Порфирія", о чемъ онъ, Меркуловъ, заключаетъ изъ сожалѣнія, высказаннаго по поводу ареста Баранникова Кобозевымъ, который, назвавъ при

этомъ „Порфирія" хорошимъ работникомъ, добавилъ, что они вмѣстѣ съ нимъ ломали для подкопа стѣну, а предварительно, для размягченія цемента и кирпичей, обливали ее какою-то кислотою. 25 февраля Меркуловъ засталъ въ лавкѣ Кобозева—Фроленко, Ланганса и Суханова, которые при немъ переодѣлись въ рабочее платье, очевидно, намѣреваясь идти въ подкопъ; затѣмъ Сухановъ подошелъ къ окну, въ жиломъ помѣщеніи, и отодвинулъ доску, закрывавшую отверстіе подкопа, которое обвиняемый тогда увидѣлъ въ первый разъ. 26 февраля Меркуловъ былъ у Желябова, гдѣ засталъ Суханова, и по порученію Желябова отвезъ въ лавку Кобозева нѣсколько пустыхъ холщевыхъ мѣшковъ. 27 февраля, въ день своего ареста, придя вновь къ Желябову, нашелъ у него Тригони, съ которымъ они пили чай; Тригони говорилъ Желябову, что въ подкопѣ работа чѣмъ-то затрудняется и прибавилъ: „Пожалуй, еще не успѣемъ". Въ это же послѣднее свое посѣщеніе Меркуловъ получилъ отъ Желябова для доставленія Кобозеву большую бутыль, фунтовъ 10 вѣсомъ, завязанную въ мѣшокъ. Еще ранѣе этого, недѣли за двѣ до своего ареста, Меркуловъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, „Котикомъ", Рысаковымъ, Тимофеемъ Михайловымъ и „Сугубымъ" пробовать метательные снаряды. Вышеозначеннаго „Михаила" или „Сугубаго", котораго Меркуловъ видѣлъ въ „конспиративной" квартирѣ по Телѣжной улицѣ, обвиняемый призналъ въ Емельяновѣ.

Дознаніемъ выяснено, что упоминаемый обвиняемыми—Рысаковымъ и Меркуловымъ—„Михаилъ Ивановичъ", онъ же „Котикъ", бросившій 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ второй, смертоносный для почившаго Монарха, снарядъ, проживалъ въ С.-Петербургѣ подъ именемъ Ельникова, а въ дѣйствительности былъ бывшій студентъ с.-петербургскаго практическаго технологическаго инсти-

тута, дворянинъ Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, Игнатій Іоахимовъ Гриневицкій.

На основаніи подробно описанныхъ Рысаковымъ примѣтъ „Михаила“ или „Сугубаго“, этотъ послѣдній былъ разысканъ и 14-го апрѣля 1881 г. задержанъ въ С.-Петербургѣ въ своей квартирѣ, причемъ оказался сыномъ псаломщика, Иваномъ Пантелеймоновымъ Емельяновымъ, проживавшимъ подъ своими собственными фамиліею и видомъ на жительство.

Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго, Емельяновъ показалъ, что, поступивъ въ концѣ 1880 года въ число членовъ „соціально-революціонной партіи“, онъ, несмотря на свои усердныя занятія науками и литературой, находилъ время принимать активное участіе въ дѣлахъ „партіи“, главнымъ же образомъ, въ злодѣяніи 1-го марта. Означенное участіе свое Емельяновъ изложилъ въ нижеслѣдующихъ собственноручно имъ написанныхъ словахъ: „Въ качествѣ метальщика, вооруженнаго разрывнымъ снарядомъ, я стоялъ на углу Невскаго и Малой Садовой, а затѣмъ у Театральнаго моста. Въ самый моментъ послѣдовавшихъ взрывовъ отъ снарядовъ, брошенныхъ Рысаковымъ и личностью, мнѣ извѣстною подъ именемъ „Михаила Ивановича“, я находился шагахъ въ 20 отъ покойнаго Императора, и когда Государь Императоръ упалъ, то я совершенно инстинктивно, имѣя подъ мышкой завернутый въ газетную бумагу снарядъ, бросился вмѣстѣ съ другими къ Государю Императору, чтобы подать ему помощь“. Изъ дальнѣйшихъ затѣмъ объясненій Емельянова видно, что за недѣлю до 1-го марта онъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ другими лицами для испытанія снарядовъ. О подкопѣ на Малой Садовой онъ узналъ впервые лишь утромъ 1-го марта, въ „конспиративной“ квартирѣ по Телѣжной улицѣ, отъ Перовской, которая сообщила, что на Малой Садовой и долженъ сначала послѣдовать, какъ она

выразилась, „центральный ударъ“. Кромѣ обвиняемаго, метальщиками были еще Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимофей Михайловъ. Послѣ злодѣянія онъ, Емельяновъ, отнесъ свой снарядъ обратно на Телѣжную улицу на „конспиративную“ квартиру.

По обыску, произведенному въ означенной квартирѣ 3-го марта 1881 года, были, между прочимъ, найдены два вполнѣ заряженныхъ метательныхъ снаряда.

При задержаніи 1-го апрѣля въ С.-Петербургѣ обвиняемаго Григорія Исаева у него найдены были по обыску 2 экземпляра рукописи о приготовленіи динамита, нитроглицерина, гремучей ртути и о способахъ взрыва.

По предъявленіи обвиняемому Меркулову задержаннаго по розыскнымъ даннымъ обвиняемаго Николая Суханова, Меркуловъ призналъ въ немъ того самаго флотскаго офицера, котораго онъ видѣлъ въ квартирѣ Желябова, а затѣмъ въ лавкѣ Кобозева, готовившимся работать въ подкопѣ. По объясненію Меркулова, Сухановъ являлся въ лавку Кобозева въ статскомъ черномъ пальто и круглой шляпѣ.

Это послѣднее указаніе подтвердилось результатомъ произведеннаго у Суханова обыска, при которомъ были найдены статское черное пальто и круглая поярковая шляпа.

Обвиняемый Сухановъ, признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, показалъ, что, будучи знакомъ съ Желябовымъ, Перовскою, Кибальчичемъ и Колодкевичемъ еще съ зимы 1879 г., онъ лишь въ февралѣ 1881 г. приступилъ къ активной революціонной дѣятельности. По приглашенію и указаніямъ Желябова, въ 20 числахъ февраля обвиняемый явился въ лавку Кобозева, гдѣ и принялъ участіе въ работахъ по проведенію подкопа, который засталъ уже доведеннымъ до водосточной трубы. Затѣмъ на квартирѣ Желябова онъ снарядилъ мину

для подкопа и, кромѣ того, на другой квартирѣ, указать которой не желаетъ, участвовалъ въ теоретической разработкѣ метательныхъ снарядовъ. Кромѣ того, 28-го февраля онъ помогалъ другому лицу чинить и собирать части этихъ снарядовъ.

XII.

Вспомогательная преступная дѣятельность обвиняемыхъ Люстига и Клѣточникова.

Сверхъ вышеизложенныхъ преступныхъ дѣяній, дознаніемъ была обнаружена необходимая для ихъ совершенія вспомогательная преступная дѣятельность принадлежавшихъ также къ партіи „Народной Воли“ обвиняемыхъ Фердинанда Люстига и Николая Клѣточникова, изъ которыхъ первый устраивалъ въ своей квартирѣ собранія членовъ означенной „партіи“ и былъ посредникомъ при полученіи ими денежныхъ средствъ, а послѣдній доставлялъ руководителямъ „партіи“ свѣдѣнія о предупредительныхъ мѣропріятіяхъ правительства и тѣмъ давалъ возможность своевременно уклоняться отъ ихъ дѣйствія. Собранныя при дознаніи данныя къ изобличенію Люстига и Клѣточникова представляются въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ:

Обвиняемый Люстигъ, признавая себя принадлежащимъ къ числу лицъ, желающихъ соціально-революціоннаго переворота, показалъ, что его революціонная дѣятельность выражалась въ тѣхъ услугахъ, которыя онъ оказывалъ „соціально-революціонной“ партіи; съ участниками ея онъ познакомился въ апрѣлѣ 1879 года, причемъ первымъ его знакомымъ былъ Александръ Михайловъ, а впослѣдствіи онъ, Люстигъ, вступилъ въ болѣе близкія и частныя сношенія съ Желябовымъ. Съ августа 1880 года и до января 1881, когда обвиняемый сталъ за-

мѣчать наблюденія за собою полиціи, квартира его служила мѣстомъ сходокъ революціонныхъ дѣятелей, которые собирались у него для свиданія другъ съ другомъ и для переговоровъ о своихъ дѣлахъ. По просьбѣ Желябова онъ, Люстигъ, получалъ по почтѣ и переводами черезъ государственный и международный банки деньги, жертвуемыя разными лицами на усиленіе революціоннаго фонда, причемъ передавалъ эти пожертвованія, составившія въ общей сложности до 3,000 руб., частью Желябову, а частью Кибальчичу.

28-го января 1881 г. въ квартирѣ обвиняемаго Колодкевича, проживавшаго по подложному паспорту на имя Петрова, былъ задержанъ младшій помощникъ дѣлопроизводителя департамента государственной полиціи, прежде служившій въ нынѣ упраздненномъ III Отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Николай Васильевъ Клѣточниковъ, который первоначально объяснилъ свой приходъ къ Колодкевичу простою случайностью и не призналъ своего участія въ преступной дѣятельности названнаго обвиняемаго и его единомышленниковъ.

По заключеніи Клѣточникова подъ стражу онъ представилъ подробныя объясненія по поводу сношеній съ членами „соціально-революціонной партіи". Изъ этихъ объясненій оказывается, что Клѣточниковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 1878 года для пріисканія себѣ мѣста по государственной службѣ, случайно встрѣтился у одного изъ своихъ знакомыхъ съ Александромъ Михайловымъ, извѣстнымъ ему тогда подъ именемъ „Петра Ивановича", и послѣ нѣсколькихъ свиданій чрезвычайно съ нимъ сблизился. Сначала Михайловъ въ разговорахъ своихъ съ обвиняемымъ высказывалъ лишь общія сужденія о бѣдственномъ положеніи народа, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что онъ—соціалистъ и вмѣстѣ съ другими стремится подготовить народъ къ госу-

дарственному и соціальному перевороту; что прежняя дѣятельность въ этомъ направленіи была неудачна, такъ какъ революціонеры дѣйствовали безъ единства, безъ правильной организаціи и безъ охраны отъ шпіоновъ, и что въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ, Клѣточниковъ, какъ еще не навлекшій на себя никакого подозрѣнія со стороны правительства, можетъ оказать большія услуги „партіи". При этомъ Михайловъ обѣщалъ пристроить обвиняемаго на хорошее мѣсто и щедро снабжать его деньгами, а также дать ему возможность, въ случаѣ какой-либо опасности, скрыться за границу. Убѣждая такимъ образомъ его, Клѣточникова, служить революціонному дѣлу, Михайловъ предложилъ ему поселиться въ домѣ Яковлева, на углу Невскаго и Надеждинской, гдѣ,—по словамъ Михайлова,—проживали агенты III Отдѣленія, и сойтись съ ними для цѣлей „партіи". Обвиняемый согласился на предложеніе Михайлова, „раздѣляя со всѣмъ обществомъ нелюбовь къ шпіонамъ и вѣря всѣмъ обѣщаніямъ „Петра Ивановича", который, кромѣ того, за это время успѣлъ привязать его къ себѣ". Въ упомянутомъ домѣ Яковлева обвиняемый нанялъ комнату у жившей тамъ же Анны Кутузовой, которую сталъ посѣщать довольно часто, причемъ своимъ тихимъ поведеніемъ, щедростью и проигрываніемъ въ карты успѣлъ такъ расположить ее въ свою пользу, что она рекомендовала его бывшему чиновнику особыхъ порученій III Отдѣленія, впослѣдствіи завѣдывавшему 3-ею экспедиціею этого учрежденія, г. Кириллову, который въ январѣ 1879 г. принялъ Клѣточникова въ секретные агенты, съ жалованьемъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Въ мартѣ того же года Кирилловъ перевелъ его для письменныхъ занятій въ такъ называемое „агентурное отдѣленіе" при 3-й экспедиціи III Отдѣленія, гдѣ онъ скоро получилъ штатную должность помощника дѣлопроизводителя, а затѣмъ, съ упраздненіемъ III Отдѣленія, перешелъ въ депар-

таментъ государственной полиціи на ту же должность, которую и занималъ до самаго своего ареста. Такое служебное положеніе Клѣточникова, свойство его занятій и особенное довѣріе его непосредственнаго начальства открыли ему свободный доступъ ко всѣмъ наиболѣе секретнымъ дѣламъ и распоряженіямъ по отношенію къ обнаруженію и преслѣдованію государственныхъ преступленій и лицъ, въ нихъ обвиняемыхъ. Такъ, онъ составлялъ или переписывалъ секретныя записки о результатахъ агентурныхъ наблюденій, шифровалъ и дешифрировалъ секретныя телеграммы, велъ переписку о лицахъ, содержавшихся въ С.-Петербургской крѣпости и проч. Поэтому обвиняемый былъ посвященъ во всѣ политическіе розыски, производившіеся не только въ С.-Петербургѣ, но и вообще во всей Имперіи. Всѣ полученныя, такимъ образомъ, свѣдѣнія онъ своевременно передавалъ Михайлову, сообщалъ ему, за кѣмъ, именно, учреждено секретное наблюденіе, предупреждалъ заранѣе о предположенныхъ обыскахъ, объявлялъ имена всѣхъ агентовъ и вообще открывалъ Михайлову всѣ секретныя данныя, сосредоточенныя въ 3 экспедиціи III отдѣленія. Не переставая въ теченіе всего этого 2-лѣтняго періода времени (1879 и 1880 г.г.) находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонными дѣятелями, которые за его услуги платили ему деньги, хотя неаккуратно и въ небольшомъ количествѣ, онъ, Клѣточниковъ, первоначально имѣлъ дѣло только съ Михайловымъ; когда же этотъ послѣдній долженъ былъ на нѣкоторое время уѣхать изъ Петербурга, то познакомилъ обвиняемаго съ Арончикомъ, которому Клѣточниковъ и продолжалъ доставлять свѣдѣнія. Впослѣдствіи же онъ познакомился и вступилъ въ сношеніе съ Квятковскимъ, Баранниковымъ, Колодкевичемъ и еще однимъ до настоящаго времени не разысканнымъ лицомъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, носившимъ при сношеніи съ обвиняемымъ чужія фамиліи, онъ сообщалъ

нужныя имъ свѣдѣнія по мѣрѣ того, какъ таковыя дѣлались ему извѣстными или требовались отъ него революціонерами, съ которыми онъ сходился въ разныхъ трактирахъ и гостинницахъ, а также посѣщалъ ихъ квартиры; Михайловъ же и самъ бывалъ у обвиняемаго. Зная, что всѣ поименованныя лица принадлежатъ къ революціонной партіи, онъ узналъ о преступной дѣятельности каждаго изъ нихъ лишь изъ свѣдѣній, которыя сдѣлались ему извѣстными по службѣ, въ особенности же изъ разоблаченій Гольденберга. Пользуясь его услугами, революціонеры не были, однако же, съ нимъ откровенны, и, видимо, ему не довѣряя, не открывали ему тайны своихъ предпріятій, такъ что только изъ общаго содержанія разговоровъ съ ними обвиняемый могъ заключить о принадлежности ихъ къ террористической фракціи и прямомъ участіи въ ея дѣйствіяхъ. Между прочимъ, онъ, Клѣточниковъ, зналъ въ общихъ чертахъ о ходѣ работъ по печатанію и изданію „Народной Воли".

XIII.

Свѣдѣнія о личности каждаго изъ обвиняемыхъ.

Изъ показаній Александра Михайлова и другихъ данныхъ, собранныхъ при дознаніи, видно, что онъ, дворянинъ Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, обучался въ новгородъ-сѣверской гимназіи, а затѣмъ держалъ окончательный экзаменъ при немировской гимназіи (Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи). Въ концѣ 1875 г. онъ, будучи уволенъ изъ технологическаго института по поводу безпорядковъ между студентами, отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился,—по его словамъ,—съ „радикалами" и съ этого времени сталъ заниматься революціонной пропагандой.

Обвиняемый, дворянинъ Черниговской губерніи, Николай Николаевичъ Колодкевичъ, по окончаніи курса въ черниговской гимназіи поступилъ сначала въ нѣжинскій лицей, а затѣмъ былъ студентомъ университетовъ новороссійскаго и Св. Владиміра, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ оставить, вслѣдствіе привлеченія къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи.

Обвиняемый, дворянинъ Таврической губерніи, Михаилъ Николаевъ Тригони, по окончаніи въ 1874 году курса юридическихъ наукъ въ новороссійскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ и проживалъ то въ южныхъ губерніяхъ, то въ С.-Петербургѣ. Здѣсь въ 1879 г. онъ,—по его объясненію,—встрѣтился съ Желябовымъ и при его посредствѣ сошелся со многими лицами, принадлежавшими къ „соціально-революціонной партіи Народной Воли“, программу которой и онъ, Тригони, вполнѣ раздѣляетъ.

Привлекавшійся къ дознанію по настоящему дѣлу и нынѣ подлежащій высылкѣ въ административномъ порядкѣ въ Сибирь, турецкій подданный Моисей Поповъ, показалъ, что въ 1879 г. онъ познакомился въ Одессѣ съ Колодкевичемъ, Фроленко и Тригони, изъ которыхъ послѣдніе двое снабжали его запрещенными изданіями для распространенія среди рабочихъ. Въ декабрѣ 1880 г. Поповъ, по просьбѣ Меркулова, пріѣзжавшаго въ Одессу изъ Кишинева, познакомилъ его съ Тригони, съ которымъ Меркуловъ и вступилъ въ какіе-то переговоры.

Обвиняемый, дворянинъ Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Баранниковъ, по окончаніи курса въ орловской Бахтина военной гимназіи, поступилъ въ 1-е военное Павловское училище, которое оставилъ въ 1776 г. Въ слѣдующемъ 1877 г. онъ началъ заниматься рево-

люціонной пропагандой среди народа. При возникновеніи по этому поводу дознанія въ мѣстномъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, Баранниковъ скрылся и продолжалъ жить „нелегально", начавъ съ весны 1879 г. именоваться Ипполитомъ Кошурниковымъ, и вступилъ подъ этимъ именемъ въ бракъ съ сестрой обвиняемой Оловенниковой, вдовой Марьей Ошаниной.

Обвиняемый, отставной флота лейтенантъ, Николай Евгеньевъ Сухановъ, сынъ лѣкаря, уроженецъ г. Риги, сначала воспитывался въ частномъ пансіонѣ и реальномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ въ морское училище, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 г. съ производствомъ въ гардемарины. Произведенный въ 1873 г. въ мичманы, а въ 1879 г. въ лейтенанты, Сухановъ былъ слушателемъ миннаго офицерскаго класса, а затѣмъ состоялъ миннымъ офицеромъ на разныхъ судахъ Балтійскаго флота и Сибирской флотиліи; въ 1880 г. онъ былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу для слушанія лекцій въ с.-петербургскомъ университетѣ, а въ маѣ 1871 г. уволенъ отъ службы вслѣдствіе привлеченія къ настоящему дѣлу.

Обвиняемый, отставной прапорщикъ кронштадтской крѣпостной артиллеріи, Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, сынъ колониста Таврической губерніи, уроженецъ г. Симферополя, по окончаніи курса въ симферопольской гимназіи поступилъ въ технологическій институтъ, гдѣ курса не окончилъ, послѣ чего служилъ въ военной службѣ, въ кронштадтской крѣпостной артиллеріи, откуда вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика и въ послѣднее время состоялъ кассиромъ на фабрикѣ „Товарищества русско-американской паровой пекарни" въ С.-Петербургѣ.

Обвиняемый, отставной коллежскій регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, какъ видно изъ собственныхъ его объясненій, уроженецъ гор. Пензы,

по окончаніи курса въ пензенской гимназіи сначала слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, а затѣмъ поступилъ въ число студентовъ с.-петербургскаго университета, который оставилъ по разстроенному здоровью, и уѣхалъ на родину, въ гор. Пензу. Въ сентябрѣ 1877 г., желая пожить столичною жизнью и окончить курсъ высшаго учебнаго заведенія, онъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ и здѣсь поступилъ вольнослушателемъ въ медико-хирургическую академію, но, отвыкнувъ отъ учебныхъ занятій, долженъ былъ оставить академію и отправился въ Пензу къ роднымъ, откуда снова возвратился въ С.-Петербургъ въ октябрѣ 1878 г. для пріисканія себѣ мѣста, каковое и нашелъ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, въ агентурномъ отдѣленіи при 3-й экспедиціи нынѣ упраздненнаго III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Обвиняемый, сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, уроженецъ гор. Ставрополь-Кавказскаго, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи поступилъ въ Петровскую земледѣльческую академію, но въ 1847 г. скрылся изъ Москвы, вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію о тайномъ революціонномъ сообществѣ.

При разслѣдованіи прежней революціонной дѣятельности Фроленко выяснилось—и самимъ обвиняемымъ не отрицается,—что въ январѣ 1878 г., во время содержанія въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ —Дейча, Стефановича и Бохановскаго, Фроленко, подъ именемъ екатеринодарскаго мѣщанина Сергѣя Тихонова, поступивъ въ означенный тюремный замокъ ключникомъ на мѣсто отставного фейерверкера Пономарева, вывелъ арестантовъ Дейча, Стефановича и Бохановскаго изъ тюрьмы.

17-го марта 1881 г. Фроленко былъ арестованъ

въ С.-Петербургѣ, въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, черезъ нѣсколько часовъ по задержаніи проживавшаго въ томъ же домѣ казненнаго государственнаго преступника Кибальчича, въ квартиру котораго явился Фроленко.

Обвиняемый, сынъ почтальона, Григорій Прокофьевъ Исаевъ, уроженецъ гор. Могилева, въ 1875 г. былъ исключенъ изъ 5-го класса мѣстной гимназіи за распространеніе запрещенныхъ изданій среди своихъ товарищей, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія. По окончаніи гимназическаго курса Исаевъ поступилъ сначала въ с.-петербургскій университетъ, а затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію.

Въ началѣ 1880 года Исаевъ, какъ уже было упомянуто выше, проживалъ въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ Еремѣева, вмѣстѣ съ Якимовой и Лебедевой, и занимался приготовленіемъ динамита. Съ февраля же 1881 года и по день ареста онъ проживалъ по Вознесенскому проспекту, въ домѣ № 25—76, вмѣстѣ съ Вѣрой Филипповой, по подложному паспорту на имя губернскаго секретаря Кохановскаго.

Обвиняемый, сынъ псаломщика, Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, уроженецъ Измаильскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, проходилъ учебный курсъ сначала въ спб. 1-мъ реальномъ училищѣ, а затѣмъ въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Принявшись за чтеніе, онъ убѣдился, что соціализмъ есть „плодъ не однихъ его размышленій“. Далѣе, во время поѣздокъ по внутренней и южной Россіи, онъ былъ, по его объясненію, пораженъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ русскаго крестьянина. Когда же, послѣ весьма успѣшнаго окончанія курса въ ремесленномъ училищѣ, онъ, Емельяновъ, былъ посланъ на казенный счетъ за границу, то увидѣлъ „превосходство экономическаго и культурнаго положенія

западно-европейскаго крестьянина и рабочаго передъ положеніемъ русскаго простолюдина". За границей обвиняемый слѣдилъ за процессомъ 16 лицъ въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ и нашелъ, что программа „Народной Воли" согласна съ его убѣжденіями, почему, по возвращеніи въ Россію, онъ не счелъ себя въ правѣ остаться индифферентнымъ и вступилъ въ число членовъ „соціально-революціонной партіи".

Обвиняемые: сынъ дьякона, Петръ Васильевъ Тычининъ и дворянка Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, дочь губернскаго секретаря, Елизавета Николаева Оловенникова состояли, какъ видно изъ дѣла, первый—студентомъ 3 курса медико-хирургической академіи, а послѣдняя—слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ при Покровской общинѣ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Фриденсонѣ и собственныхъ его объясненій видно, что онъ, по происхожденію бѣлостокскій купеческій сынъ, по окончаніи курса въ бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ былъ вольнослушателемъ въ московскомъ техническомъ училищѣ, откуда уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію, возникшему въ Москвѣ по поводу убійства мѣщанина Рейнштейна; дознаніе это въ отношеніи Фриденсона было прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій.

Обвиняемый, солдатскій сынъ, Василій Аполлоновъ Меркуловъ, оставшись, по его объясненію, съ дѣтства безъ всякаго призрѣнія и надзора, 9-ти лѣтъ отъ роду былъ отданъ матерью въ столярную мастерскую въ Одессѣ и, изучивъ столярное ремесло, сталъ добывать имъ себѣ средства къ жизни. На 18-мъ году онъ встрѣтился въ Одессѣ съ Иваномъ Ивичевичемъ, убитымъ впослѣдствіи, въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 г., въ гор. Кіевѣ при вооруженномъ сопротивленіи полиціи; черезъ него познакомился съ Желябовымъ и вошелъ въ кружокъ лицъ, зани-

мавшихся революціонной пропагандой среди рабочихъ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Златопольскомъ видно, что онъ сынъ елисаветградскаго мѣщанина, воспитывался въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ, изъ котораго вышелъ въ 1875 году, не окончивъ курса.

Обвиняемый, гомельскій мѣщанинъ, Айзикъ Борисовъ Арончикъ, по окончаніи одесскаго реальнаго училища, поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда вышелъ, не окончивъ курса, въ 1879 году.

Обвиняемый, одесскій мѣщанинъ, Макаръ Васильевъ Тетерка, по ремеслу столяръ, не получившій никакого образованія, еще въ 1877 г. принималъ участіе въ происходившихъ въ Одессѣ противозаконныхъ сходкахъ рабочихъ; въ 1879 г. онъ проживалъ въ Кіевѣ, причемъ по обыску, произведенному 6-го мая того же года у сожителей его по квартирѣ, Предтеченскаго и Красовскаго, найдены были пироксилинъ и разрывные снаряды. Здѣсь же, въ Кіевѣ, Тетерка встрѣтился съ Желябовымъ, который и побудилъ его принять непосредственное учстіе въ революціонной дѣятельности.

Обвиняемый, прусскій подданный Мартынъ-Рудольфъ Лангансъ, уроженецъ гор. Херсона, по окончаніи курса въ херсонской гимназіи поступилъ въ с.-петербургскій технологическій институтъ, изъ котораго, не окончивъ курса, вышелъ въ 1872 г., а въ 1874 году былъ привлеченъ къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но по суду оправданъ. Въ 1879 г. онъ былъ задержанъ въ гор. Кіевѣ, подъ именемъ Петрова, въ квартирѣ, гдѣ по обыску были найдены разныя запрещенныя изданія; высланный послѣ этого за границу, онъ, по его собственному объясненію, лѣтомъ 1880 г. вернулся въ Россію и съ тѣхъ поръ жилъ подъ разными фамиліями.

Обвиняемый, Николай Александровъ Морозовъ, незаконнорожденный сынъ помѣщика Ярославской губерніи, воспитывался на счетъ своего отца во 2-й московской гимназіи, изъ 6-го класса которой былъ уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, по каковому дѣлу былъ судимъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената въ числѣ 193 подсудимыхъ и признанъ виновнымъ въ принадлежности къ противоправительственному тайному сообществу; но въ видѣ смягчающихъ его вину обстоятельствъ, ему, по Высочайшему соизволенію, было вмѣнено въ наказаніе содержаніе подъ стражею до суда. Въ ноябрѣ 1879 года Морозовъ проживалъ въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ государственной преступницей, Ольгой Любатовичъ, бѣжавшей съ мѣста ссылки, подъ именемъ супруговъ Хитрово. Заподозрѣнные полиціей, они были, впредь до обнаруженія ихъ личности, подвергнуты домашнему аресту, но въ ночь на 26 ноября успѣли скрыться, причемъ, по объясненію Морозова, отправились за-границу.

Въ январѣ 1881 г. Морозовъ, подъ именемъ Лакіера, былъ задержанъ въ дер. Стошки, Сувалкской губерніи, куда незадолго передъ тѣмъ прибылъ изъ-за границы вмѣстѣ съ другими лицами, такъ же, какъ и Морозовъ, разыскивавшимися по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ.

Обвиняемая, дочь титулярнаго совѣтника (учителя народнаго училища), Людмила Дементьева Терентьева, уроженка Херсонской губерніи, воспитывалась на казенный счетъ въ одесской Маріинской женской гимназіи и, по окончаніи въ 1878 г. курса, 16 лѣтъ отъ роду, по собственному ея объясненію, вступила въ „соціально-революціонную партію".

Обвиняемая, дочь коллежскаго совѣтника, Татьяна Иванова Лебедева, уроженка гор. Богородска, Московской губерніи, окончила курсъ въ москов-

скомъ Николаевскомъ институтѣ, гдѣ воспитывалась на казенный счетъ; была осуждена по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но, въ виду смягчающихъ вину ея обстоятельствъ, ей съ Высочайшаго соизволенія вмѣнено было въ наказаніе предварительное содержаніе подъ стражею. По объясненію Лебедевой, находясь въ Москвѣ въ мартѣ 1879 года и вращаясь среди революціонныхъ дѣятелей, она знала о замыслѣ ихъ совершить убійство сыскного агента Рейнштейна.

Обвиняемая, дочь священника, Анна Васильева Якимова, уроженка Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, по окончаніи курса въ вятскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, была учительницей сельской школы въ селѣ Камышинцевѣ, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, послѣ чего была привлечена, судима и оправдана по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи.

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 9-й день декабря 1881 г., и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч. XV т. св. зак. изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше: Александръ Михайловъ, Николай Колодкевичъ, Михаилъ Тригони, Александръ Баранниковъ, Николай Сухановъ, Фердинандъ Люстигъ, Николай Клѣточниковъ, Михаилъ Фроленко, Григорій Исаевъ, Иванъ Емельяновъ, Петръ Тычининъ, Григорій Фриденсонъ, Василій Меркуловъ, Левъ Златопольскій, Айзикъ Арончикъ, Макаръ Тетерка, Николай Морозовъ, Мартынъ Лангансъ, Елизавета Оловенникова, Людмила Терентьева, Татьяна Лебедева и Анна Якимова предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената, съ участіемъ сословныхъ представителей.

15-го февраля въ 11 ч. 4 м. ночи особымъ присутствіемъ вынесена резолюція, на основаніи кото-

рой подсудимые: Михайловъ, Колодкевичъ, Сухановъ, Клѣточниковъ, Фроленко, Исаевъ, Емельяновъ, Тетрка, Лебедева, Якимова приговорены къ смертной казни через повѣшеніе; подсудимые: Баранниковъ, Арончикъ, Морозовъ, Лангансъ, Меркуловъ—къ безсрочной каторжной работѣ, а подсудимые: Тригони, Люстигъ, Фриденсонъ, Златопольскій и Терентьева на 20 лѣтъ въ каторжныя работы, первые въ рудникахъ, а послѣдняя на заводы.

Изъ всѣхъ подсудимыхъ кассаціонная жалоба была подана только Клѣточниковымъ. Жалоба была оставлена безъ послѣдствій.

17-го марта Государь Императоръ повелѣлъ всѣмъ подсудимымъ, приговореннымъ къ смертной казни, кромѣ Суханова, замѣнить это наказаніе безсрочными каторжными работами, а подсудимому Суханову замѣнить смертную казнь через повѣшеніе разстрѣляніемъ въ Кронштадтѣ.

Н. Е. Сухановъ былъ разстрѣлянъ.

А. Д. Михайловъ, Н. В. Клѣточниковъ и М. В. Тетерка скончались въ Петропавловской крѣпости.

Г. П. Исаевъ и А. Б. Арончикъ умерли въ Шлиссельбургѣ.

М. Н. Тригони послѣ 20-лѣтняго заключенія былъ отправленъ на Сахалинъ и вернулся въ Россію лишь послѣ 17-го октября 1905 года.

Н. А. Морозовъ и М. Ф. Фроленко находились все время въ Шлиссельбургской крѣпости и освобождены оттуда послѣ 17-го октября 1905 г.

И. П. Емельяновъ, Л. С. Златопольскій, А. В. Якимова, Т. И. Лебедева, Г. М. Фриденсонъ и Ф. О. Люстигъ были отправлены на Кару, гдѣ Лебедева умерла, а остальные переведены въ разное время на поселеніе въ Сибирь.

Л. Д. Терентьева скончалась въ тюрьмѣ.

Меркуловъ былъ освобожденъ отъ наказанія и поступилъ на службу въ департаментъ полиціи.

Дѣло 17-ти.

Обвинительный актъ, *)

коимъ предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ: 1) дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, 32 лѣтъ; 2) елизаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ; 3) сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ; 4) севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ; 5) сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ; 6) лебединскій мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калюжный, 24 лѣтъ; 7) дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ; 8) крестьянинъ Минской губерніи Антонъ Степановъ Борейша, 24 лѣтъ; 9) ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ; 10) жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ; 11) дочь священника Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ; 12) лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ; 13) жена потомственнаго почетнаго гра-

*) Дѣло 17-ти народовольцевъ слушалось особымъ присутствіемъ правительствующаго сената 28-го марта—5-го апрѣля 1883 года подъ предсѣдательствомъ сенатора Синеокова-Андреевскаго.

Для нашей брошюры мы воспользовались выдержками изъ обвинительнаго акта („Былое“, № 10, 1906 г.).

жданнна Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ; 14) дворянка Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ; 15) отставной лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Буцевичъ, 32 лѣтъ; 16) дочь купца Хася Гершева (она же Христина Григорьева) Гринбергъ, 24 лѣтъ, и 17) дочь священника Парасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ.

I.

Приговорами, состоявшимися въ 1880 и 1891 г. г., какъ въ гражданскихъ, такъ и въ военныхъ судебныхъ установленіяхъ, признано существованіе тайнаго преступнаго сообщества, именующаго себя „русской соціально-революціонной партіей", стремящагося, путемъ насильственнаго переворота, къ ниспроверженію государственнаго порядка и общественнаго строя и совершившаго, для достиженія означенной цѣли, рядъ самыхъ тяжкихъ преступленій, завершившихся злодѣяніемъ 1-го марта 1881 г.

Значительное число членовъ вышеозначеннаго преступнаго сообщества, присвоившаго себѣ также наименованіе „партіи Народной Воли", уже осуждено с.-петербургскимъ военнымъ окружнымъ судомъ въ октябрѣ 1880 года (дѣло о 16 лицахъ). Особымъ присутствіемъ правительствующаго сената въ мартѣ 1881 года (дѣло о злодѣяніи 1-го марта) и въ февралѣ 1882 г. (дѣло о 20 лицахъ).

Не всѣ, однако, члены революціоннаго сообщества могли быть осуждены приговорами означенныхъ судебныхъ установленій. Нѣкоторымъ членамъ сообщества удалось скрыться отъ преслѣдованія, и они, оставаясь на свободѣ, продолжали свою преступную дѣятельность, на что указывали, съ одной стороны, появлявшіяся отъ времени до времени подпольныя изданія, а съ другой—новыя проявленія преступной дѣятельности сообщества.

Вслѣдствіе сего розыски, направленные къ задер-

жанію скрывавшихся революціонныхъ дѣятелей, а также къ обнаруженію ихъ новыхъ единомышленниковъ, продолжались непрерывно и привели, начиная съ конца 1881 года, къ задержанію, между прочимъ, 17 лицъ, разыскивавшихся по прежнимъ дѣламъ или вновь примкнувшихъ къ такъ называемой „партіи Народной Воли“.

Собранными по отношенію ко всѣмъ вышеназваннымъ 17 обвиняемымъ данными установлено, что, независимо отъ общаго для всѣхъ обвиненія въ принадлежности къ торрористическому сообществу, на нѣкоторыхъ изъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ падаютъ еще обвиненія въ участіи въ отдѣльныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ для достиженія цѣлей сообщества.

Означенныя отдѣльныя преступныя дѣянія относятся къ періоду времени съ 1877 по 1882 годъ

II.

Организація въ 1877 году преступнаго тайнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Со времени введенія положенія 1867 г. о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, между крестьянами Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ, Кіевской губерніи, возникли волненія, выразившіяся въ стремленіи къ измѣненію условій, созданныхъ означеннымъ положеніемъ въ смыслѣ равномѣрнаго распредѣленія земли между мужскимъ населеніемъ означенныхъ уѣздовъ въ размѣрѣ отъ 5-ти до 15 десятинъ на душу.

Подобныя волненія, поддерживаемыя частью непониманіемъ самаго положенія, а главнымъ обра-

зомъ нелѣпыми слухами о сокрытіи чиновниками „Царскаго Указа“ о всеобщемъ передѣлѣ земли,— до 1877 г. не заходили, однако, далѣе единичныхъ случаевъ сопротивленій при люстраціонныхъ работахъ и разнаго рода ходатайствъ со стороны крестьянъ.

Въ началѣ 1877 г. подобное положеніе дѣлъ въ упомянутыхъ уѣздахъ подъ вліяніемъ лицъ, принадлежавшихъ къ такъ называемой „русской соціально-революціонной партіи“, значительно измѣнилось и, принявъ болѣе острый характеръ, выразилось въ организаціи въ предѣлахъ Чигиринскаго уѣзда преступнаго сообщества подъ названіемъ „тайная дружина“, имѣвшаго цѣлью подготовить вооруженное возстаніе для захвата и раздѣла не принадлежащихъ крестьянамъ земель. Возстаніе должно было сопровождаться нападеніемъ на помѣщиковъ, духовенство, представителей другихъ сословій и установленныхъ правительствомъ властей.

Въ „Высочайшей тайной граматѣ“, приложенной къ уставу общества, вышеизложенныя цѣли сообщества объяснялись и оправдывались слѣдующимъ образомъ:

По словамъ „граматы“, Государь Императоръ давно уже даровалъ крестьянамъ для пользованія всю землю, съ освобожденіемъ отъ платежа какихъ-либо податей, но помѣщики, духовенство и чиновники, изъ корыстныхъ видовъ, скрыли Царскій „указъ“ по этому предмету. Далѣе изъ „указа“ видно, что, такъ какъ помѣщикамъ помогаетъ Наслѣдникъ Престола, то Государь безсиленъ привести свою волю въ исполненіе, а потому выпужденъ издать настоящій тайный манифестъ, на основаніи котораго крестьяне должны собраться тайно отъ властей въ особое сообщество, заготовить оружіе, затѣмъ возстать противъ помѣщиковъ и другихъ лицъ, отнять у нихъ землю силою и раздѣлить таковую поровну.

Устанавливая организацію сообщества, упомяну

тый „уставъ“ опредѣлялъ раздѣленіе „тайныхъ дружинъ“ на кружки, состоящіе изъ 25 человѣкъ крестьянъ, живущихъ въ одномъ околодкѣ, каковымъ кружкамъ присваивалось наименованіе „старостъ“.

Созданное распространеніемъ таковаго подложнаго отъ имени Государя Императора манифеста преступное сообщество возникло, какъ оказалось впослѣдствіи, не по иниціативѣ самихъ крестьянъ, а вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ нихъ, будучи высланы въ 1875 г. за участіе въ прежнихъ волненіяхъ по Чигиринскому уѣзду въ Кіевъ, подъ надзоръ полиціи, были вовлечены въ сообщество предложеніями и настояніями неизвѣстнаго молодого человѣка, назвавшагося „Государевымъ комиссаромъ Дмитріемъ Найдою.“

3-го сентября въ деревнѣ Талалаевкѣ былъ задержанъ самъ „комиссаръ Найда“, оказавшійся сыномъ священника, Яковомъ Стефановичемъ.

При производствѣ изслѣдованія по этому дѣлу было установлено, что ближайшими помощниками Стефановича въ дѣлѣ организаціи сообщества были рядовой Лейба Дейчъ и дворянинъ Иванъ Бохановскій, состоявшіе такъ же, какъ и самъ Стефановичъ, членами кіевскихъ революціонныхъ кружковъ.

III.

Покушеніе на цареубійство и приготовленія къ нему, предпринятыя: 1) близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, 18-го ноября 1879 года; 2) близъ гор. Москвы, 19-го ноября того же года и 3) въ гор. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года.

Послѣ Липецкаго съѣзда и во исполненіе принятыхъ на немъ рѣшеній среди „народовольцевъ“ закипѣла работа. Государственный преступникъ Степанъ Ширяевъ принялся за изготовленіе дина-

мита для нуждъ сообщества, государственный преступникъ Александръ Михайловъ занялся изысканіемъ близъ Москвы, на линіяхъ Николаевской или Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ, мѣста, удобнаго для производства взрыва Императорскаго поѣзда; другіе же видные дѣятели сообщества, въ концѣ сентября 1879 года, съѣхались въ гор. Харьковѣ для ближайшаго обсужденія подробностей плана, который неминуемо бы привелъ къ желанной цѣли—цареубійству.

Задержанный въ С.-Петербургѣ 16-го декабря 1881 г. подъ именемъ Семенова севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, признавая свою принадлежность къ тайному сообществу, именующему себя „партіей Народной Воли", призналъ свое участіе, какъ на сходкахъ, на которыхъ Гольденбергъ и Желябовъ знакомили молодежь съ программой „партіи Народной Воли", такъ и въ совѣщаніяхъ, на которыхъ велись съ нимъ, Телаловымъ, переговоры объ удобнѣйшемъ храненіи разныхъ доставленныхъ въ Харьковъ орудій и приспособленій, предназначавшихся для задуманныхъ уже тогда посягательствъ на цареубійство. Далѣе Телаловъ призналъ, что, согласившись содѣйствовать планамъ злоумышленниковъ, онъ передалъ Кузнецову на храненіе буравъ, увезенный впослѣдствіи въ Александровскъ, а затѣмъ, въ концѣ октября, передалъ Желябову на вокзалѣ желѣзной дороги динамитъ, оставленный Гольденбергомъ на квартирѣ Сикорской, причемъ тогда уже узналъ опредѣленно отъ Желябова, какія, именно, мѣста избраны для посягательства на цареубійство по пути слѣдованія Государя Императора изъ Крыма въ С.-Петербургъ.

13-го апрѣля 1882 года въ гор. Москвѣ былъ задержанъ подъ именемъ Боголѣпова елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, который, признавъ себя членомъ „партіи Народ-

ной Воли", объяснилъ, что оговоръ его Гольденбергомъ совершенно ложенъ, что ни о какихъ замыслахъ на цареубійство осенью 1879 года ему извѣстно не было, и что въ началѣ ноября 1879 г. въ присутствіи Гольденберга на квартирѣ Колодкевича онъ передавалъ деньги, но не Гольденбергу и не 300 руб., а Колодкевичу, 500 руб., которые ему были переданы послѣднимъ на храненіе.

По изслѣдованіи дна Екатерининскаго канала подъ каменнымъ мостомъ и близъ него 4-го мая и 6-го іюня 1881 г. были обнаружены 4 гуттаперченыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ качествѣ около 7 пудовъ, съ запальными стаканами въ одной парѣ подушекъ.

Изъ всѣхъ участниковъ этого покушенія на Александра II оставался неразысканнымъ лишь сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій. Будучи задержанъ въ С.-Петербургѣ въ ночь на 5 іюня 1882 г., Грачевскій, признавъ свою принадлежность къ тайному сообществу, именующемуся „партіей Народной Воли", отъ разъясненія своей преступной дѣятельности отказался.

IV.

Покушеніе на кражу изъ кишиневскаго губернскаго казначейства.

Всѣ участники означеннаго преступленія уже осуждены приговоромъ правительствующаго сената, за исключеніемъ проживавшей въ квартирѣ Мироненко, въ качествѣ кухарки, неизвѣстной женщины.

По задержаніи 20-го іюня 1882 г. дворянки Антонины Игнатьевой Лисовской, она, признавая свою принадлежность къ террористическому сообществу, показала, что съ конца 1880 г. до половины января 1881 г. проживала въ Кишиневѣ въ

качествѣ кухарки у Мироненко подъ именемъ „Анны“, съ цѣлью совершенія посредствомъ под копа похищенія денегъ изъ мѣстнаго казначейства, причемъ и принимала непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ. Отъ дальнѣйшихъ объясненій по существу упадающаго на нее обвиненія— Лисовская отказалась.

V.

Злодѣяніе 1-го марта 1881 года.

Въ началѣ декабря 1880 г. подвальное помѣщеніе въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ было нанято подъ сырную лавку за 1200 р. въ годъ крестьяниномъ Евдокимомъ Ермолаевымъ Кобозевымъ.

4-го марта 1881 г., вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома графа Менгдена о томъ, что содержатель сырной лавки Кобозевъ съ женой скрылись изъ занимаемаго ими помѣщенія, а въ самой лавкѣ найдена сырая земля и орудія землекопанія, былъ произведенъ новый осмотръ означенной лавки. На этотъ разъ по прибытіи на мѣсто судебнаго слѣдователя въ жиломъ отдѣленіи подвала, смежномъ съ лавкой, подъ ближайшимъ къ ней окномъ былъ обнаруженъ проломъ наружной стѣны и мина подъ Малую Садовую улицу.

Паспортъ, по которому проживали Кобозевы, оказался подложнымъ.

Приговоромъ особаго присутствія правительствующаго сената, состоявшимся 9—15 февраля 1882 г. по дѣлу о 20 лицахъ, осужденныхъ за государственныя преступленія, признано, что подъ именемъ Елены Федоровой Кобозевой проживала государственная преступница Анна Васильева Якимова.

Изъ показаній осужденнаго по упомянутому дѣлу Василія Меркулова были почерпнуты данныя къ установленію личности, именовавшейся Кобозевымъ, который оказался дворяниномъ Юріемъ Николаевымъ Богдановичемъ, разыскивавшимся уже по обвиненію въ государственномъ преступленіи.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, признавая свою принадлежность къ организаціи „партіи Народной Воли“ и свое участіе въ злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта 1881 г. въ качествѣ хозяина лавки дома графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ, гдѣ онъ проживалъ подъ именемъ Кобозева, отъ дальнѣйшаго разъясненія своей преступной дѣятельности отказался.

Давая нѣкоторыя разъясненія по дѣлу о злодѣяніи 1-го марта, государственный преступникъ Кибальчичъ, между прочимъ, показалъ, что, входя вмѣстѣ съ двумя лицами въ составъ такъ называемаго „техническаго отдѣла“, онъ, вмѣстѣ съ этими лицами, участвовалъ въ изобрѣтеніи и снаряженіи метательныхъ снарядовъ, взрывы которыхъ причинили смертельныя пораненія почившему Монарху.

Григорій Исаевъ, въ свою очередь, признавъ свое участіе въ приготовленіи динамита, употребленнаго при взрывѣ Зимняго дворца и заложеннаго подъ Каменнымъ мостомъ, объяснилъ, что изобрѣтеніе системы воспламененія метательныхъ снарядовъ посредствомъ стеклянныхъ трубочекъ, наполненныхъ сѣрной кислотой, принадлежитъ ему.

2-го марта 1881 г., подъ именемъ Костецкой, была задержана въ С.-Петербургѣ на улицѣ дворянка Людмила Терентьева, а 5-го мая было обнаружено, что Терентьева подъ именемъ Трофимовой проживала въ д. № 42—14 по Подольской улицѣ въ квартирѣ верейскихъ мѣщанъ Григорія и жены его Надежды Пришибиныхъ, которые, однако, до прибытія полиціи успѣли скрыться.

По осмотру квартиры Пришибиныхъ, въ одной изъ комнатъ былъ найденъ типографскій станокъ со всѣми принадлежностями для печатанія, разныя изданія преступнаго содержанія въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, носившія на себѣ слѣды недавней отпечатки, разныя рукописи революціоннаго характера и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности.

Обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша, признавъ свое участіе въ типографскихъ работахъ въ квартирѣ именовавшихся Пришибиными, въ которой онъ проживалъ довольно долгое время, заявилъ, что еще до 1-го марта въ комнатѣ, гдѣ помѣщался типографскій станокъ, хранилась корзина съ взрывчатыми веществами, которой ему было запрещено касаться.

Обвиняемые Михаилъ Грачевскій и Парасковья Ивановская отказались отъ всякихъ объясненій по поводу участія ихъ въ злодѣяніи 1-го марта, но при этомъ Ивановская признала себя членомъ „Исполнительнаго Комитета", а Грачевскій сознался въ томъ, что подъ именемъ Пришибина проживалъ въ „конспиративной" квартирѣ въ домѣ № 42—14 по Подольской улицѣ, съ ноября 1880 г. и по май 1881 г.

VI.

Преступная дѣятельность сообщества послѣ 1-го марта 1881 года.

Вслѣдъ за совершеніемъ злодѣянія 1-го марта стали появляться изданія подпольной печати, въ которыхъ, отъ имени революціоннаго сообщества, заявлялось, что, несмотря на аресты важнѣйшихъ членовъ организаціи, сообщество намѣрено про-

должать свою преступную дѣятельность и стремиться къ достиженію прежде намѣченной цѣли. Подтвержденіемъ такой рѣшимости сообщества не сходить съ излюбленнаго имъ кроваваго пути явилось отобранное у Петра Телалова, при его задержаніи, письмо, частью зашифрованное, предназначавшееся, какъ это оказалось впослѣдствіи, для государственнаго преступника Александра Михайлова.

Приступить немедленно къ выполненію своихъ замысловъ сообщество оказалось, однако, не въ силахъ. Ослабленное многочисленными арестами, оно прежде всего принялось за организаціонную работу, съ цѣлью пополнить свои ряды; послѣдствіями сего явились вступленіе выдающихся дѣятелей народнической фракціи въ составъ террористическаго сообщества и образованіе „Общества Краснаго Креста Народной Воли". Въ началѣ 1882 года сообщество вновь приступило къ выполненію своей программы и ознаменовало свою дѣятельность новымъ убійствомъ, совершеннымъ 18-го марта 1882 г., надъ производившимъ по Высочайшему повелѣнію дознаніе о государственныхъ преступленіяхъ генералъ-маіоромъ Стрѣльниковымъ, а затѣмъ, лѣтомъ того же года, приступило къ изготовленію динамита и метательныхъ снарядовъ, необходимыхъ для предстоявшихъ злодѣяній.

Въ отношеніи каждаго изъ вышепоименованныхъ видовъ дѣятельности террористическаго сообщества разслѣдованіе обнаружило слѣдующія данныя:

I.

Сближеніе террористическаго сообщества съ дѣятелями народнической фракціи.

При задержаніи Якова Стефановича, у послѣдняго были отобраны письма эмигранта Лейбы Дейча, изъ которыхъ, между прочимъ, оказалось, что Стефано-

вичъ перешелъ изъ народнической фракціи въ террористическое сообщество.

Стефановичъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1881 г. перешелъ русскую границу. Послѣ переговоровъ въ г. Москвѣ, какъ съ „чернопередѣльцами“, такъ и съ нѣкоторыми представителями сообщества „партіи Народной Воли“, въ числѣ которыхъ находились: обвиняемые по настоящему дѣлу Богдановичъ и Грачевскій и не разысканные до настоящаго времени Левъ Тихоміровъ и жена государственнаго преступника Баранникова, Стефановичъ пришелъ къ заключенію о возможности для него вступить въ ряды террористическаго сообщества. Желая склонить къ тому же другихъ членовъ народнической фракціи, Стефановичъ отправился съ этой цѣлью въ г. С.-Петербургъ, гдѣ видѣлся съ отставнымъ мичманомъ Анатоліемъ Булановымъ и другими изъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ, назвать фамиліи которыхъ Стефановичъ не пожелалъ. Старанія Стефановича остались не безуспѣшными, и, какъ Булановъ, такъ и большинство петербургскихъ „чернопередѣльцевъ“ изъявили согласіе войти въ составъ „партіи Народной Воли“, надѣясь найти въ ея средѣ работу, не противорѣчащую ихъ убѣжденіямъ. Примѣру своихъ петербургскихъ товарищей послѣдовали и „народники“, проживавшіе въ другихъ городахъ Имперіи, и вслѣдствіе сего, въ теченіе зимы 1881—1882 г., личный составъ террористическаго сообщества продолжалъ пополняться вступающими въ него „чернопередѣльцами“.

Осуществившееся, такимъ образомъ, сліяніе значительнаго числа „народниковъ“ съ террористическимъ сообществомъ усилило, безъ сомнѣнія, послѣднее, но, тѣмъ не менѣе, приливъ новыхъ, еще не испытанныхъ членовъ не могъ замѣнить для сообщества потерю дѣятелей, закаленныхъ въ террористической борьбѣ.

Вслѣдствіе сего было признано необходимымъ

учредить въ составѣ „партіи Народной Воли“ новое общество, которое могло бы служить орудіемъ для освобожденія изъ заключенія и ссылки наиболѣе полезныхъ членовъ сообщества и для возвращенія послѣднихъ къ ихъ прежней преступной дѣятельности.

Учрежденіемъ, удовлетворяющимъ вышеуказанной цѣли, явилось „Общество революціоннаго Краснаго Креста“.

II.

„Общество Краснаго Креста Народной Воли“

Объявленіе о возникшемъ въ составѣ такъ называемой соціально-революціонной партіи „Общества Краснаго Креста“ появилось въ № 7 подпольнаго изданія „Народная Воля“, вышедшемъ 23-го декабря 1881 года, причемъ было указано и на цѣль общества, состоящую въ оказаніи матеріальной и нравственной поддержки всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти.

Незадолго передъ симъ, 16-го декабря, при задержаніи обвиняемаго Петра Теллалова, у него былъ отобранъ рукописный уставъ „Общества освобожденія“, къ числу задачъ котораго, кромѣ матеріальной и нравственной помощи „всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію и пострадавшимъ за свободу мысли и совѣсти“, отнесена организація побѣговъ и освобожденіе лицъ заключенныхъ.

Существованіе обнаруженной такимъ образомъ новой преступной организаціи подтвердилось и отобранными у Якова Стефановича письмами эмигранта Дейча, въ которыхъ также упоминается о вновьвозникшемъ „Обществѣ Краснаго Креста“, причемъ изъ тѣхъ же писемъ видно, что означенное общество имѣло за границей своими представителями эмигрантовъ: Петра Лаврова и Вѣру Засуличъ.

III.

Убійство генералъ-маіора Стрѣльникова.

18-го марта 1882 года, въ городѣ Одессѣ, на Николаевскомъ бульварѣ, въ 9 часовъ пополудни, выстрѣломъ изъ револьвера былъ убитъ военный прокуроръ кіевскаго военно-окружнаго суда, генералъ-маіоръ Стрѣльниковъ, находившійся въ г. Одессѣ для производства по Высочайшему повелѣнію дознаній о государственныхъ преступленіяхъ.

Выстрѣлъ былъ направленъ сзади въ голову въ то время, когда генералъ Стрѣльниковъ сидѣлъ на одной изъ скамеекъ боковой аллеи бульвара, обращенной къ Приморской улицѣ.

Судебно-медицинскимъ вскрытіемъ установлено, что рана, нанесенная генералу Стрѣльникову, принадлежа къ разряду безусловно смертельныхъ, должна была повлечь моментальную смерть.

Убійца, тотчасъ послѣ выстрѣла въ генерала Стрѣльникова, побѣжалъ съ бульвара на Приморскую улицу и успѣлъ сѣсть въ пролетку, въ которой поджидалъ его одинъ изъ его соучастниковъ. Скрыться, однако, преступники не успѣли, и, несмотря на оказанное ими вооруженное сопротивленіе, были задержаны при содѣйствіи собравшейся толпы.

Арестованныя лица назвали себя: одинъ—дворяниномъ Косогорскимъ, а другой—сыномъ тифлисскаго гражданина Степановымъ.

Приговоромъ одесскаго военно-окружнаго суда, согласно которому означенные государственные преступники казнены, установлено, что пролетка, на которой предполагали скрыться убійцы генерала Стрѣльникова, равно какъ и запряженная въ пролетку лошадь, были пріобрѣтены Косогорскимъ и Степановымъ при дѣятельномъ участіи третьяго лица, не принимавшаго, однако, непосредственнаго

участія въ самомъ убійствѣ, лишь по взаимному соглашенію убійцъ.

Впослѣдствіи было обнаружено, что осужденные: Степановъ—государственный преступникъ Халтуринъ, виновникъ взрыва, произведеннаго въ Зимнемъ дворцѣ 5-го февраля 1880 г., а Косогорскій—бывшій вольнослушатель с.-петербургскаго университета, сынъ коллежскаго секретаря Желваковъ; личность же третьяго соучастника названныхъ лицъ въ убійствѣ генерала Стрѣльникова оставалась невыясненною до открытія, лѣтомъ 1882 года, по 11 линіи Васильевскаго острова „конспиративной“ квартиры и до задержанія лицъ, посѣщавшихъ означенную квартиру.

Задержанный въ ночь на 5-е іюня подъ именемъ Бармалѣева, лишенный всѣхъ правъ состоянія, государственный преступникъ Михаилъ Филимоновъ Клименко, признавая свою принадлежность къ „партіи Народной Воли“, сознался въ участіи въ убійствѣ генерала Стрѣльникова.

IV.

Весной 1882 года было получено свѣдѣніе о томъ, что въ г. С.-Петербургѣ прибыли для организаціонныхъ работъ нѣкоторые изъ выдающихся революціонныхъ дѣятелей. Предпринятымъ для выясненія сего обстоятельства розыскомъ было установлено, что проживавшій въ д. № 9 по Фонарному переулку подъ именемъ дворянина Галиповскаго неизвѣстный человѣкъ имѣлъ частыя сношенія съ женщиной, именовавшей себя вдовой почетнаго гражданина Розановой, и молодымъ человѣкомъ, называвшимся дворяниномъ Бармалѣевымъ, изъ которыхъ первая жила по Дровяному переулку въ д. № 22, а послѣдній по Николаевской улицѣ въ д. № 1. Галиновскій постоянно встрѣчался съ Розановой и Бармалѣевымъ на улицѣ, причемъ они

вели между собою переговоры, тщательно стараясь при этомъ скрываться. Названныя лица въ то же время встрѣчались со многими другими, то въ городѣ, на улицѣ, то на загородныхъ гуляньяхъ, при таинственной и, повидимому, заранѣе условленной обстановкѣ, а также посѣщали нѣкоторыхъ лицъ на ихъ квартирахъ. Къ числу личностей, имѣвшихъ такимъ образомъ сношенія съ Галиновскимъ и его знакомыми, принадлежали лейтенантъ флота Александръ Буцевичъ, проживавшій по Малой Мастерской улицѣ въ д. № 3, и женщина, жившая подъ именемъ дворянки Каммеръ въ д. 24 по Кирочной улицѣ. Установленное за выше названными лицами наблюденіе выяснило также, что квартиры Галиновскаго и Розановой какъ будто старательно скрывались и не посѣщались никѣмъ. Дальнѣйшими наблюденіями было обнаружено, что Галиновскій и Бармалѣевъ часто посѣщали квартиру ветеринарнаго врача Прибылева, по 11 линіи Васильевскаго острова въ д. № 24, причемъ неоднократно привозили въ означенную квартиру разные предметы, покупаемые въ аптекарскихъ складахъ и въ магазинахъ хирургическихъ инструментовъ.

Вслѣдствіе добытыхъ такимъ образомъ данныхъ, а также въ виду того, что паспорты, по которымъ проживало большинство вышеназванныхъ лицъ, оказались подложными, въ ночь на 5 іюня 1882 года были произведены аресты Галиновскаго, Розановой и Бармалѣева, а также Буцевича и Каммеръ. Одновременно съ означенными арестами былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ супруговъ Прибылевыхъ, причемъ кромѣ послѣднихъ была задержана жившая у нихъ въ качествѣ кухарки женщина, именовавшая себя крестьянкой Маріей Савиной.

Вслѣдъ за симъ было обнаружено, что подъ именемъ Галиновскаго скрывался разыскивавшійся по обвиненію въ государственномъ преступленіи Михаилъ Грачевскій, а подъ именемъ Бармалѣева—

бѣжавшій изъ ссылки Михаилъ Клименко; что подъ фамиліями Розановой и Каммеръ проживали жена потомственнаго гражданина Анна Корба и дочь купца Хася (она же Христина) Гринбергъ, а также, что Марія Савина—дочь священника, Марія Юшкова.

Осмотромъ квартиры Прибылевыхъ вполнѣ установлено, что въ ней находилась лабораторія, въ которой приготовлялись динамитъ и метательные снаряды.

Въ разъясненіе устройства „конспиративной" квартиры Прибылевыхъ и отношенія къ ней обвиняемыхъ дознаніемъ обнаружены нижеслѣдующія данныя:

Изъ показанія Грачевскаго видно, что въ половинѣ апрѣля 1882 г. онъ, какъ „членъ технической группы", получилъ отъ „Исполнительнаго Комитета", чрезъ его агента, порученіе организовать техническую школу для обученія нѣсколькихъ лицъ приготовленію взрывчатыхъ веществъ, начиная съ гремучей ртути и до пироксилина и видовъ динамита, употребляемыхъ въ боевыхъ дѣлахъ партіи, а также устройству минъ и метательныхъ снарядовъ. Принявъ сдѣланное ему отъ „Исполнительнаго Комитета" предложеніе, Грачевскій занялся пріисканіемъ лица, въ квартирѣ котораго можно бы было устроить вышеупомянутую школу, и остановилъ свой выборъ на Прибылевѣ и на невѣстѣ послѣдняго, Раисѣ Гросманъ. Получивъ согласіе названныхъ лицъ, Грачевскій поторопилъ ихъ свадьбу, послѣ которой они поселились въ „Серапинской гостиницѣ" и стали пріискивать удобную для своихъ цѣлей квартиру, которая и была найдена на Васильевскомъ островѣ по 11 линіи въ д. № 24. Денежныя средства на устройство квартиры были даны Грачевскимъ, который также озаботился пріисканіемъ лица, пригоднаго для роли кухарки Прибылевыхъ, и привелъ къ нимъ для этой

цѣли Марію Юшкову, снабдивъ послѣднюю фальшивымъ паспортомъ. Въ устроенной такимъ образомъ квартирѣ Грачевскій, по его словамъ, предполагалъ читать только демонстративныя лекціи, но затѣмъ получилъ отъ агента „Исполнительнаго Комитета“ предложеніе помѣстить на квартиру Прибылевыхъ остатки отъ прежнихъ запасовъ динамита, пироксилина и гремучей ртути, а также заняться приготовленіемъ динамита въ томъ количествѣ, которое окажется возможнымъ. Прибылевы согласились исполнить и послѣднее предложеніе „Исполнительнаго Комитета“, и вслѣдствіе сего Грачевскій перевезъ въ ихъ квартиру найденные въ послѣдней предметы, послѣ чего и было приступлено къ изготовленію динамита, въ чемъ, равно какъ и въ лекціяхъ, принимало участіе нѣсколько лицъ, назвать которыхъ Грачевскій не пожелалъ.

VII.

Вспомогательная дѣятельность Калюжнаго и Смирницкой, какъ лицъ, завѣдывавшихъ паспортнымъ бюро соціально-революціоннаго сообщества.

23-го марта 1882 года, въ гор. Москвѣ, по Прогонному переулку, въ домѣ Волковой, была обнаружена конспиративная квартира, хозяевами которой оказались: бывшій студентъ харьковскаго университета Иванъ Васильевъ Калюжный и дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, проживавшіе въ означенномъ домѣ съ 27-го сентября 1881 г. по виду на имя супруговъ Ивана Федосѣева и Надежды Николаевой Беневоленскихъ.

Прибывшіе для производства обыска въ означенной квартирѣ полицейскіе чины застали Калюжнаго на лѣстницѣ, ведущей изъ нижняго этажа дома въ

мезонинъ, гдѣ помѣщалась самая квартира; Смирницкая же заперлась въ квартирѣ и отказалась открыть входную дверь, которая, вслѣдствіе сего, была взломана. Вошедшія въ квартиру лица, производившія обыскъ, застали Смирницкую сидѣвшею на диванѣ и рвавшею какія-то бумаги, клочками которыхъ былъ усѣянъ полъ обѣихъ комнатъ, составляющихъ квартиру, въ желѣзной же печкѣ былъ найденъ пепелъ отъ сожженной бумаги.

При обыскѣ были обнаружены различныя принадлежности для составленія подложныхъ видовъ на жительство, уже изготовленные паспорты, бланки различныхъ правительственныхъ учрежденій, а также различныя противоправительственныя изданія и т. п.

При подробномъ осмотрѣ найденныхъ въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой предметовъ, въ числѣ таковыхъ оказались, между прочимъ: 1) 96 фальшивыхъ печатей разныхъ правительственныхъ мѣстъ и учрежденій; каждая печать была завернута въ клочекъ бумаги, на которомъ набросанъ проектъ предполагавшагося къ составленію письменнаго вида; 2) подушка, напитанная составомъ, употребляемымъ для оттиска печатей; 3) нѣсколько листовъ вощеной бумаги; 4) 270 экземпляровъ формъ видовъ на жительство и другихъ документовъ; 5) 116 чистыхъ бланковъ, употребляемыхъ для письменныхъ видовъ, выдаваемыхъ разными мѣстами и учрежденіями; 6) 31 экземпляръ готовыхъ письменныхъ видовъ и т. д.

Найденные въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой предметы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ означенной квартирѣ помѣщалось паспортное бюро, снабжавшее подложными видами на жительство членовъ революціоннаго сообщества.

Перечисленныя преступленія предусмотрѣны ст. 318 и 291 улож. о нак.

Клименко показалъ, что, будучи сосланъ въ Си-

бирь на поселеніе по приговору кіевскаго военно-окружнаго суда, бѣжалъ лѣтомъ 1881 г. изъ мѣста ссылки.

Преступленіе это предусмотрѣно 808 ст. XIV т. уст. о ссыльныхъ.

По вышеизложеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему во 2 день февраля 1883 г., и на основаніи ст. 1031 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч. XV т. св. зак. изд. 1876 г. по продолж. 1879 г. поименованные выше: Юрій Богдановичъ, Михаилъ Грачевскій, Савелій Златопольскій, Петръ Телаловъ, Парасковья Ивановская, Яковъ Стефановичъ, Александръ Буцевичъ, Антонъ Борейша, Александръ Прибылевъ, Раиса Прибылева, Марія Юшкова, Иванъ Калюжный, Надежда Смирницкая, Михаилъ Клименко, Антонина Лисовская, Анна Корба и Хася (она же Христина) Гринбергъ предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Приговоръ.

Особое присутствіе опредѣлило:

1) Подсудимыхъ: дворянина Юрія Богдановича, 33 лѣтъ, мѣщанина Петра Телалова, 29 лѣтъ, мѣщанина Савелія Златопольскаго, 25 лѣтъ, сына дьякона Михаила Грачевскаго, 33 лѣтъ, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія Михаила Клименко, 26 лѣтъ, и отставного лейтенанта флота Александра Буцевича, 32 лѣтъ, на основаніи 241, 242, 243, 251, 249, 1454, 152 ст. улож. о наказ. и 808 ст. уст. о ссыльн., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе; 2) сына священника Якова Стефановича, 30 лѣтъ, и дочь священника Парасковью Ивановскую, 30 лѣтъ, на основаніи 241, 242, 243, 249, 251, 291, 318, 152, 135 и 73 ст. улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы безъ срока: Стефановича—въ рудникахъ, а Ивановскую—на заводахъ; 3) жену потомственнаго почетнаго гражданина, изъ дворянъ, Анну Корба, 28 лѣтъ,—на основаніи 249, 135 и 73 ст. улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на двадцать лѣтъ; 4) подсудимыхъ: крестьянина Антона Борейшу, 24 лѣтъ, мѣщанина Ивана Калюжнаго, 24 лѣтъ, ветеринарнаго врача Александра Прибылева, 24 л., дворянку Антонину Лисовскую, 24 лѣтъ, дочь купца Хасю (Христину, Гринбергъ, 24 лѣтъ, дочь священника Надежду Смирницкую, 30 лѣтъ, дочь священника

Марію Юшкову, 22 лѣтъ, и жену ветеринарнаго врача Раису Прибылеву, 25 лѣтъ, на основаніи 249, 1647, 152, 135, 114 и 73 ст. улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ: Борейшу, Калюжнаго и Прибылева—въ рудникахъ, а Гринбергъ, Лисовскую, Смирницкую, Юшкову и Прибылеву—на заводахъ; 5) на основаніи уст. угол. суд. 945 ст. п. 1, настоящій приговоръ, въ отношеніи дворянъ Богдановича, Лисовской, Корба и отставного флота лейтенанта Буцевича, представить, чрезъ министра юстиціи, на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества на предметъ лишенія ихъ всѣхъ правъ состоянія, а Буцевича и лишенія ордена Св. Станислава 3-й степени; 6) участь подсудимыхъ Борейши, Гринбергъ, Юшковой и Прибылевой, во вниманіе къ особеннымъ, уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ, на основаніи 153, 154 ст. улож. о наказ. и 775 ст. уст. уг. суд., повергнуть въ порядкѣ, указанномъ въ послѣдней статьѣ, на Монаршее Его Императорскаго Величества милосердіе съ ходатайствомъ, не благоугодно-ли будетъ Его Императорскому Величеству повелѣть: Прибылеву сослать въ каторжныя работы на заводахъ на четыре года, а Борейшу, Гринбергъ и Юшкову сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, съ лишеніемъ этихъ 4-хъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія; 7) возмѣщеніе судебныхъ, по настоящему дѣлу, издержекъ, по приведеніи ихъ въ надлежащую извѣстность, на основаніи 990, 991, 992 и 993 ст. уст. угол. суд., обратить на всѣхъ вышепоименованныхъ виновныхъ, съ круговою ихъ друга за друга отвѣтственностью; въ случаѣ же несостоятельности ихъ, принять, согласно 999 ст. того же устава, на счетъ казны, и 8) съ вещественными доказательствами по настоящему дѣлу поступить на основаніи 777 ст. уст. угол. судопроизводства.

Изъ 6-ти народовольцевъ, приговоренныхъ къ казни по процессу 17-ти, не былъ казненъ ни одинъ: смерть ихъ замѣнили безсрочными каторжными работами. Однако, вмѣсто каторги всѣхъ шестерыхъ заключили въ казематы, гдѣ они быстро умерли вслѣдствіе невозможно суроваго режима.

Телаловъ умеръ въ Петропавловской крѣпости въ томъ же 1883 г.; въ 1884 г. въ Шлиссельбургѣ повѣсился Клименко; такъ же умеръ отъ чахотки въ апрѣлѣ 1885 г. Буцевичъ; Златопольскій скончался въ Шлиссельбургѣ въ декабрѣ 1885 г.; Грачевскій сжегъ себя живьемъ въ Шлиссельбургѣ въ 1887 г.; Богдановичъ умеръ тамъ же отъ чахотки въ 1888 г.; Калюжный и Смирницкая покончили самоубійствомъ на Карѣ; Лисовская скончалась тамъ же. Умерла уже и Раиса Прибылева.

Изъ 17-ти, такимъ образомъ, осталось только 7.

